

МОЁ ТВОЁ *сердце*

ЭЛИСОН МАЙКЛС

Эллисон Майклс

Моё-твое сердце

«Автор»

2023

Эллисон Майклс

Моё-твое сердце / Эллисон Майклс — «Автор», 2023

Две подруги - Хейли и Тедди - долгие годы были неразлучны, пока любовь к одному и тому же парню не рушит их жизни. В пылу ссоры они попадают в страшную аварию. Их тела изувечены травмами, а души застревают между мирами. Что же держит их между жизнью и смертью? Любовь, дружба или незаконченное дело? Хейли и Тедди уверены, что смогут вернуться назад, если узнают правду, ведь даже полиция уверена, что авария - не несчастный случай.

© Эллисон Майклс, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Хейли	5
Тедди	6
Сейчас	7
Хейли	7
Тедди	12
Хейли	16
Тогда	19
Хейли	19
Тедди	22
Сейчас	26
Тедди	26
Хейли	32
Тедди	38
Тогда	42
Хейли	42
Тедди	45
Хейли	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эллисон Майклс

Моё-твое сердце

Пролог

Хейли

Вопль Тедди заглушил даже скрежет металла об отбойник. Первым разлетелось лобовое стекло, осыпав нас обеих стекляшками, как конфетти. Если бы не холодный ужас, крики Тедди и треск, можно было бы подумать, что мы на празднике по случаю дня рождения кого-то из Морганов. Вот только «конфетти» больно резали лицо. И никто не смеялся.

Вместо папиной гитары фоном звучала станция «Нью-Йорк Лайв», но как только «мустанг» Джейка влетел в ограждение моста, радио тут же в страхе выдало несколько трескучих помех и смолкло. Мои рефлексы сработали раньше меня самой. Руки взметнулись вверх, заслоняя лицо бесполезным щитом, а ноги вжались в пол, ища педаль тормоза. Вот только не я была за рулём. И было поздно тормозить.

Время замедлилось, и капот «мустанга» в «слоу моу» стал складываться гармошкой. Меня тряхнуло вперёд так, словно выбросило из самолёта в свободное падение. Так бы и случилось, не будь я наглухо пристёгнута ремнём безопасности. Он с адской хваткой питбуля вгрызся в моё плечо, потом в грудь и чуть не выпотрошил все кишки.

Каким-то образом я ещё соображала, что происходит, но от этого было только хуже. Страх и боль – не лучшие союзники, когда нужно мыслить здраво. Я машинально повернула голову в сторону Тедди, чтобы убедиться, что она ещё здесь, со мной, испытывает тот же ужас, но хотя бы жива. И это стало моей ошибкой. Лучше бы я вжалась в подголовник и повторяла каждое движение машины. Но она отскочила от отбойника – точно бита отбила кручёный – и крутанулась влево.

Меня же мотнуло вправо. Удар по голове. И больше никого страха. Никакой боли. Ничего.

Тедди

Я кричала так, будто меня резали заживо. Будто это меня складывало пополам, а не капот «мустанга». Видя, как чёрные осколки внешней панели разлетаются в разные стороны, первым делом я подумала, что нам с Хейли очень повезёт, если мы умрём. За свою тачку Джейк задушит нас голыми руками.

Но эта мысль была столь мимолётной, столь незначительной. Когда лобовое стекло шрапнелью полетело в моё лицо, я успела пожалеть о глупостях, что вечно лезли в мою голову. И поняла, что не хочу умирать. Может только через семьдесят лет, в мягкой постели и полном беспамятстве. Закрою глаза и открою уже на небесах. Но не здесь, на пустынной, залитой дождём развязке 91 шоссе и Уиллоу-стрит, перелетев через отбойник напрямик в реку Миллс.

Я ведь даже ни разу не была на свидании!

За своим криком я не слышала ни мотивов радио, ни шума ливня, ни голоса Хейли. Она всегда была пугливее меня. Но сейчас она не вопила от ужаса, как делала это я. Адреналин разогнал сердце до такой скорости, которой бы позавидовал сам Джейк. Оно кувалдой долбило в висках, точно вгоняло гвозди. Так бездарные ударники колотят в барабаны.

Не знаю, от чего я кричала больше. От мысли о том, что мы разобьёмся. Или от осознания, что я не просто потеряла управление. Кто-то врезался в нас сзади и запустил цепную реакцию.

Но и мой визг тут же заглох, как и мотор «мустанга», когда от удара меня кинуло вперёд. В грудь что-то влетело с такой силой, что я перестала дышать. Сердце больше не звучало в ушах, и я почувствовала, что оно и вовсе передумало подчиняться мне.

Я ведь хотела, чтобы сердце перестало болеть. Нужно быть осторожной в своих желаниях.

Сейчас

Хейли

Так тихо... Будто смерть отобрала все звуки и присвоила себе. Оставила лишь вакуум, пустоту, абсолютное ничего. Разве бывает так тихо?

Пун.

Ах нет, постойте. Кое-что в этой тишине всё же напоминает о жизни. Раздражающий пикающий звук где-то слева над ухом. Словно включилась одна из шуток Дилана, с которыми он любил возиться в детстве. Может, я в его комнате? Пристаю с вопросами, как всегда любила делать, если он строил из себя безумного учёного и пытался разобрать очередной тостер, вафельницу или старый видеомаягнитофон. В семье Морганов я считалась самой любопытной и всегда прокрадывалась к Дилану, чтобы понаблюдать за работой гения. Он в семье Морганов примерял на себя роль самого сообразительного. И самовлюблённого – так, пометка от младшей сестры для полноты картины.

Пун.

Пун.

Пун.

Ну, конечно! Это дурацкий проект Дилана к ноябрьскому марафону «Собери сам». Он проводился в старшей школе Хиллхаус каждый год, и каждый год Дилан выдумывал невероятную поделку, а пока мастерил её, все полы в доме напоминали ловушку с препятствиями. Не хватало только красных лазеров и отверстий в стенах, из которых бы вылетали острые сюрикены. Я дважды чуть не падала с лестницы, спотыкаясь о склад железных шуток, которым во всей вселенной не найдётся применения. А папа три дня хромал после того, как наступил на металлический уголок голой пяткой. Зато теперь он наконец-то стал носить тапочки, что бабуля Грета подарила ему на прошлое Рождество.

Но каждый год кто-нибудь да обходил Дилана, выдумывая что-то сверхинновационное и необъяснимое простому обывателю, вроде меня. И поделка Дилана отправлялась в одну из коробок с пометкой «Хлам» в гараже. Но в этом году он вознамерился взять медаль за первое место и, более того, запатентовать свой шедевр, а чуть позже стать вторым Николой Теслой, только без усов. Я предупреждала маму, что её любимый сынок, скорее всего, изобретает машину смерти – слишком много людей пострадало от его творений. Но на деле это оказался обычный говорящий будильник. И он издавал такие же противные звуки, как сейчас.

Пун.

Вот-вот. Ну точно его говорящий будильник.

Хотя постойте! Дилан давно не учится в старшей школе! Он первокурсник в Йельском. И комната его пустует, только если он совсем уж не оголодает в своей съёмной квартире и не решит нас навестить. Пиццать никак не может будильник или любое другое порождение его фантазии.

И пахнет как-то странно. Как будто я упала в баночку с аспирином. Будто вымыли пол с камфорой. И ещё этот лёгкая, едва ощутимая кислинка. Так пахнет, когда режешь лимон. Ничего не понимаю.

Пун.

Пун.

Лимонный запах навеивает мне кое-что. Воспоминание о Тедди, которая любила воду с лимоном и последние месяцы везде таскала с собой прозрачную спортивную бутылочку. Стоило ей открутить крышку, чтобы сделать глоток, и в радиусе метра тут же всё окислялось.

Тедди! Ну, конечно! Мы ехали в машине Джейка и... ссорились. За все годы нашей дружбы у нас случались размолвки, но чтобы так... Это было за гранью. Это были не мы. Но она говорила такие вещи и плакала, а потом...

А потом нас слегка занесло на развязке 91 шоссе и Уиллоу-стрит. Мы врезались прямо в отбойное ограждение. Больше ничего. Чернота, как в космосе без звёзд. Я оглянулась проверить, как там Тедди, но отключилась. Но я жива, это же хорошо? Слышу и могу чувствовать запахи. Думаю, с Тедди всё то же в порядке. Парочка ушибов и синяков – ничего такого, из-за чего она станет переживать дольше десяти минут.

А писк и душок лекарств – я в больнице, ведь так? Всего лишь плакающие аппараты и аромат, годами въедавшийся в стены и в сам воздух. Меня оставили в одной из палат отдохнуть – любой устанет после того, как вмажется в отбойник!

Вот чёрт. Джейк убьёт меня, когда увидит машину. Уж не знаю, в каком там состоянии «мустанг», но ему явно досталось похлеще, чем нам. На моих глазах сложился капот, осколками разорвалось лобовое стекло. После этого мои раны покажутся смешными царапинами от кошачьих когтей.

Надо проверить, как там Тедди. А ещё узнать хоть что-нибудь о «мустанге» и позвонить маме. Они с отцом наверняка на стену лезут. Мне семнадцать, но мамины правила не имеют возрастных ограничений и действуют одинаково для всех. Как бы мне и в тридцать лет не отзваниваться ей после работы и не спрашивать разрешения задержаться на корпоративе подольше.

Надо лишь проснуться окончательно.

И я распахнула глаза. Чернота тут же рассеялась, обернувшись побелённым потолком с одной единственной лампой. Она была выключена, а в палате всё равно оставалось светло. Значит, сейчас день, хоть и довольно пасмурный, но мы с Тедди садились в машину поздно вечером! Неужели я столько проспала?

Странно, я и боли не чувствовала. Выходит, травмы совсем лёгкие, если даже голова не болит, а по салону меня помотало неслабо. Переведя глаза чуть левее, преследуя плакающий звук, что уже начинал доводить до белого каления, я увидела его источник. Как я и думала! Мониторы жили своей жизнью, разрисовывали чёрный фон кривыми разноцветными линиями. Неужели так бьётся моё сердце? Почему же тогда я не чувствую никаких проводков или катетеров в руке? Или куда там подключают все эти медицинские штуковины?

Ну, раз меня не удерживают никакие врачебные наручники, отправлюсь на поиски Тедди, мамы или хоть кого-нибудь, кто поможет мне. Напомнит, чем именно закончилось вчерашняя поездка.

Я встала с кровати и напрямик нацелилась на дверь. Она была приоткрыта, и я проскользнула внутрь. В коридоре меня поджидал ещё более застоялый дух лекарств, марлевых повязок и чистящего средства. Ряд кресел очередью выстроился напротив моей палаты. За закрытыми дверями наверняка отсыпались такие же бедолаги, попавшие в аварию или по нелепой случайности угодившие в какую-нибудь передрагу.

Правильно выбрав маршрут, я дошла до сестринского поста. Тут всё жило своей жизнью. Медсёстры с серьёзными лицами ходили туда-сюда, точно притворяясь, что заняты своей работой. Одна из них болтала по телефону за стойкой. Какой-то врач рассматривал карточку пациента в самой дали коридора. Никому и близко не было дела до какой-то там семнадцатилетней девчонки, которая провалялась в постели всю ночь. Ну и ладно. Наверняка я сейчас выгляжу не лучшим образом, чтобы быть в центре внимания.

Я сделала два шага к посту и решила подождать, пока женщина в бледно-розовой сестринской форме закончит свой суперважный разговор, чтобы позвонить маме. А разговор и правда важный – женщина то и дело хмурила свои кустистые брови и делала какие-то пометки

в бумажках. Похоже, ждать придётся долго. Может, пока кофе выпить или хотя бы воды? Где у них тут автоматы?

Сделав оборот на сто восемьдесят градусов, я чуть не ойкнула. Прекрасно! Теперь и звонить не нужно. Мама уже здесь! Кидаёт монетки в кофейный автомат и ждёт, постукивая носком кроссовка, пока тот выплюнет её заказ, что лишь по виду напоминает настоящий кофе. Я проглотила желание окликнуть её – не хватало ещё, чтобы меня отчитали на глазах у всей больницы.

Чем ближе я подходила, тем отчётливее слышался запах отвратного кофе и маминых духов. Я узнаю этот запах «Аламбар» из тысячи других. Как акула чует каплю крови в толще океана за целых полкилометра, так и я учую смесь какао, корицы и ванили даже с другой планеты. Так здорово почувствовать что-то родное в совершенно незнакомых стенах!

Пока мама ковырялась в автомате, я двинулась в её сторону. Но меня опередили. Из-за поворота шмыгнул отец и, не заметив меня, подошёл к маме и положил ладонь ей на спину.

– Я дозвонился ему. Дерек дал мне выходной, так что я останусь, сколько понадобится. – Сказал он своим тягучим, низким голосом.

Я всегда говорила, что ему бы стать певцом, а не финансистом. Песни под гитару не в счёт – в своих денежных махинациях и контрактах на сотни тысяч долларов папа зарывал свой талант. Хотя, ведь может у одного человека быть сразу два таланта? Тедди вон и рисует, как Клод Моне, и умудряется стихи писать, да такие, что удивительно, как ещё не вышла целая стопка её сборников.

– Спасибо, милый. – Ответила мама как-то слишком вяло. Дымок от кофе вился между их лицами и наверняка загоразживал обзор, иначе они давно бы заметили свою дочь, замершую в трёх шагах от них. – Это всё так ужасно... Не знаю, как бы я справилась со всем этим в одиночку.

– Тебе и не придётся. – Папа поцеловал мамину руку, ту, что без горячего кофе. Он всегда был моим героем, но в эту секунду я осознала, что в первую очередь он был героем для неё, для моей мамы. – Мы справимся со всем вместе.

Папа зыркнул на вонючую бурду в бумажном стаканчике и изогнул свою густую бровь.

– Точно не хочешь съездить домой и нормально позавтракать?

– Нет, не хочу есть. Выпью кофе, должно помочь.

– Милая, ты меня извини, – ухмыльнулся папа. – Но думаю, этот кофе уже никому не поможет. Им только металл растворять.

Но мама даже не улыбнулась, хотя всегда громче всех смеялась с папиных идиотских шуточек.

– Не хочу оставлять её ни на минуту.

Я собралась с мыслями и хотела наконец подать хоть какой-то знак, что я здесь. Выставила руку, точно официанта подзывала. Они повернулись в мою сторону.

Когда живёшь с людьми семнадцать лет, запоминаешь их наизусть. Не только, сколько ложек сахара они кладут в чай или какое мороженое любят больше всего, но и изгиб губ, яркость блеска в глазах, количество морщинок под веками. У мамы их четыре. У папы – не сосчитать. Его должность приносила свои дивиденды в виде не только завидного жалования, но и стресса.

Так вот, когда мама злилась, уголки её губ скатывались вниз, а зелень в глазах темнела и хамелеоном меняла цвет под настроение. По папиному же лицу можно было сказать лишь одно: когда он радуется. Злость, гнев, обиду и все те чувства, что делают его уязвимым, он привык прятать под стальной маской, как картёжник прячет плохую комбинацию за блефом.

Я ждала этих микропроявлений злости, когда их лица предстали передо мной во всей красе. Готовилась услышать упрёки – не безосновательные, каюсь – и придумывала оправдания

своей выходке. Но не увидела ни опущенных губ, ни потухших глаз, ни ледяного бездушия. Они просто прошли мимо меня.

– Эм, мам?

– Надо позвонить мальчишкам и узнать, как они. – Мамин голос звучал глухо, потому что прятался в складках папиной кофты. Редко его увидишь в чём-то, кроме костюма, но раз сегодня он не выходит на работу, значит, может позволить себе немного взбунтоваться. – Дилан весь на нервах, а Дэнни ничего не понимает. Как думаешь, можно ему сказать? Для него это будет не слишком?

О чём они вообще говорят?

– Давай подождём, пока не узнаем всё наверняка. – Мягко возразил отец и крепче прижал маму к себе.

Это какой-то новый трюк? Уловка в системе воспитания – делать вид, что не замечаешь ребёнка, который что-то натворил? Смятение внутри переросло сначала в обиду, а потом и в злость.

– Аллю, мам! Пап! – Я оббежала их и стала махать руками, но в ответ ноль реакции. Совсем обнаглели! – Хватит придуливаться, народ! Это не смешно! Да, знаю, что я натворила делов, но...

Они продолжили говорить о Дэнни и просто идти вперёд по коридору. Полнейший игнор. Так меня игнорировала только Брук во втором классе, когда я стала дружить с Тедди. И, хочу отметить, что это довольно обидно.

Но они так просто не отделаются от меня! Да, я совершила глупость, взяв машину Джейка вчера вечером. Я была в расстроенных чувствах, с разбитым сердцем и с Тедди, которая, собственно, и была всему виной. Но всё ведь обошлось, не так ли? Поэтому я обогнала их и замерла в шести шагах впереди. Выставила ладонь, прямо как Нео, уворачивающийся от выстрелов агентов, только в меня летели не пули, а родительское безразличие.

– Стоять! – Почти завопила я. – Вы оба! Хватит меня игнорировать!

Мама замерла и уставилась перед собой. Ну, слава богу! А то эти игрища меня уже начинали раздражать. Я набрала побольше воздуха и выпалила на одном дыхании:

– Простите меня! Я не хотела, чтобы так получилось. Я поссорилась с Тедди, а ещё этот дождь, и... В общем, простите. Но всё ведь закончилось хорошо, правда?

Я выдавила улыбку. Одну из тех, когда не знаешь, что на тебя обрушится в следующий миг. Всепрощающее объятие или небесный гнев.

Хм, странно. Мама не то что не злилась, она даже не смотрела на меня. Вернее, смотрела будто сквозь меня. Сжимала в руках бумажный стаканчик, что извергал дымок и неприятный душок заодно, и прижималась к отцу. Тот обхватил её за плечо и держал так, будто она стояла не на плитке больничной палаты, а на трескающемся стеклянном мосту через пропасть. Папа всегда был таким. Надёжным, как самая прочная страховка.

– Мы справимся вместе, дорогая. – От его слов, спокойного и уверенного голоса на душе стало так тепло, точно её в шарф завернули или прислонили к батарее.

Они вообще слышали, что я только что сказала? А мне не так-то просто выдавливать из себя извинения! Когда я подралась с Диланом в первом классе и разбила ему нос до крови, меня заставили просить прощения, иначе мне грозило быть арестованной в своей комнате на следующие две недели. А через два дня у Брук как раз намечался день рождения, и пропустить такой праздник в то время было равносильно тому, чтобы перечеркнуть своё будущее. Но я целый день просидела в своей спальне, дуясь на Дилана, на родителей и на весь белый свет, хотя сама была виновата. Мой хук справа до сих пор неплох. Но желание поесть торт, попрыгать на воздушных батутах и покататься на пони-единороге, которых обещали родители Брук всем гостям, переплюнуло мою гордость.

В тот раз мне понадобилось семь часов, чтобы принести извинения, и то, по корыстному умыслу. Но сейчас я говорила искренне! А они даже злость запрятали так глубоко, что по лицам не разгадать, что они вообще злятся. Скорее, убиты горем. Я настолько их разочаровала этой аварией?

– Мама... – Тихо позвала я.

Но они снова двинулись вперёд. Шли прямо на меня и даже не думали сворачивать.

– Да остановитесь же вы!

Никакой реакции. Нас разделяли уже четыре шага, три, два... Вот чёрт!

Я отпрыгнула в сторону, чтобы не быть затоптанной собственными родителями. Вот это номер! Уже не просто раздражение, а настоящая паника подняла восстание в груди.

– Мама!

Я крикнула так, чтобы они точно услышали и не смогли отвертеться от разговора со мной. И чтобы слышала вся больница заодно. Чтобы им стало стыдно. А потом подбежала и схватила её за плечо, чтобы заставить обернуться.

Пальцы ощутили лишь колебания воздуха. Ни кашемирового кардигана, что был на маме. Ни мягких волокон ткани, ни крепкого от фитнеса плеча, ни теплоты родного человека.

Рука прошла через её тело, и мама ничего не почувствовала. Они с папой в обнимку дошли до моей палаты и скрылись внутри.

– Что... – Зашептали мои губы. – Что за хрень...

Видно, потрянуло меня намного сильнее, чем казалось, раз у меня начались галлюцинации. Мне срочно нужно присесть, а ещё лучше прилечь и выпить каких-нибудь успокоительных. За такие выходки родителям светит бойкот от меня!

Я всё ещё пыталась превратить всё в шутку, но, по правде говоря, вся поледенела от жуты. Да уж, мозг любит поиздеваться над нами – он тот ещё шутник. Убеждает тебя, что ты заслуживаешь чьей-то любви, что дружба продлится вечно, что родители тебя всегда поддержат. Но всё это обман. Любовь обращается иллюзией, дружба рассыпается на осколки, а родители... ну что ж, они пытаются тебя проучить в тот момент, когда ты больше всего в них нуждаешься.

С намерением высказать всё им в лицо я уверенным шагом двинулась к своей палате. Почти ворвалась внутрь – так сквозняк распахивает двери. Они сидели ко мне спиной на двух стульях, склонив головы друг к дружке, как два подростка, что любят закатом. Вот только смотрели они на постель, с которой я встала пять минут назад. Совсем рехнулись!

– Эй, вы ведёте себя совсем не по-взрослому!

Мой гневный крик потонул в тишине. В той мёртвой тишине, что поприветствовала моё пробуждение. Голос предал меня и теперь выдавал лишь нечленораздельные звуки. Я хватала ртом пропитанный лекарствами воздух и не могла поверить глазам. Внутри всё перевернулось – точно органы отплясали хоровод и поменялись местами. Уж не знаю, где теперь обосновалась моя печень, но сердце точно ухнуло в пятки.

На койке лежала я.

И мой голос наконец прорезался. Но вместо слов зазвучал крик.

Тедди

Мама вернулась в палату с очередным стаканчиком мерзкого кофе из автомата на первом этаже. Этот кофе из разряда тех, что даже не нужно пробовать, чтобы понять, насколько он отвратителен. За него говорит его запах.

Эта палата пропиталась кофейным душком, хлоркой и лекарствами, а ещё скорбью. В палате Хейли к этому удручающему крошеву примешивались хотя бы ароматы духов её мамы, но после ночной смены в «Роско» все цветочные благоухания выветривались с одежды *моей* мамы. Теперь она пахла лишь той бурдой, что принято считать кофе, а ещё грустью и немного немытым телом. Я хотела сказать ей, чтобы она съездила домой и приняла душ, а ещё плотно поела и выспалась как следует. Но разве станет она меня слушать? Взрослые вообще нечасто прислушиваются к словам семнадцатилетних подростков, правда?

Так мы и сидели уже пять часов к ряду. В угнетающем молчании. Только писк монитора вносил в эту мрачную атмосферу смерти нотку жизни. Я внимательно наблюдала за тем, как мама теряла саму себя. Это происходило медленно, на протяжении всех тех семнадцати лет, что она пыталась удержаться на плаву. И меня удержать заодно. Но после вчерашней аварии она словно перестала пытаться. Устала барахтаться, расслабила руки и позволила воде просочиться в лёгкие. Как быстро может утонуть человек, если никто не бросит ему спасательный жилет? А моя мама никогда не умела плавать.

– Миссис Раморе. – Мы с мамой одновременно подняли головы.

В палату осторожно заглянула уже знакомая мне медсестра. Низенькая и полная – мне ли не знать, как тяжело жить с таким «диагнозом» – она смотрелась забавно в бледно-розовой медицинской форме. Словно слониха в попоне для пони. Знаю, так говорить некрасиво, ведь я и сама далеко не модельной внешности. Но судьба обошлась со мной совсем уж не-справедливо, так что у меня есть право хоть немного поворчать.

Пышка, ватрушка, пирожок. Все названия сдобной выпечки – мои вторые имена. Как меня только не называли в школе, так что я давно смирилась. Наверняка эта женщина тоже смирилась в своё время. Интересно, в годы её молодости дети были так же жестоки? Её так же не звали играть в одной команде, потому что она бежит медленнее всех? Её так же не замечали парни любых возрастов, национальностей, весовых категорий и показателей интеллекта? Порой кажется, что чем ты больше в объёме, тем более невидимой становишься для окружающих. Эдакий вселенский парадокс.

Но мне всегда казалось, что важнее не то, сколько человек весит. Скорее, сколько весит его сердце. Могла бы поспорить, что сердце этой медсестры – Хейзел, кажется – размером с Плутон, и весит столько же. Она всю ночь хлопочет вокруг этой палаты, заглядывает не только по поручениям доктора Лэнг, но и просто, чтобы проверить нас с мамой. Она несколько раз подносила горячий чай, печенье с лимонной цедрой – наверняка самопеченное – а ещё подушку из залежей больницы, чтобы *моей* маме было удобнее, раз уж она ни в какую не собиралась уезжать домой.

– Вам бы отдохнуть. – Сердечно подметила Хейзел. Да, да, я была права. Подсмотрела имя на бейджике, что обитал на её внушительной груди. – Вы здесь всю ночь. Съездите домой и...

– Не могу. – Вымученно выдохнула мама, переводя взгляд с медсестры на койку. – Не могу оставить её вот так... одну. Кроме меня ведь у неё никого нет.

Хейзел снисходительно улыбнулась, всплыла в палату и оградила нас от лишнего шума больницы, прикрыв за собой двери.

– У неё есть я. – Медсестра хлопнула мою маму по плечу и отобрала стаканчик с кофе. Понюхала его и поморщилась. – Не стоит вам пить эту бурду.

Стаканчик отправился на тумбочку, спокойно остывать себе и распространять амбре по палате и дальше.

– Миссис Раморе. – Хейзел присела на корточки и заставила едва знакомую женщину взглянуть на неё. – Я побуду с ней столько, сколько понадобится. Обещаю вам, что останусь здесь, пока вы не вернётесь. Вам нужно съесть что-то посущественнее той печенюшки, что я вам заносила в час ночи. А ещё поспать. Вы не должны мучить себя. Вам тоже нужны силы, как и ей.

– Не хочу её оставлять...

– Понимаю. Но это только на время. Клянусь, я не уйду отсюда, пока вы не смените меня на посту.

– Но как же ваша работа?

Моя добрая мама. Всегда переживала за других больше, чем за себя. Порой такая жертвенность доводила до белого каления, а порой вдохновляла.

– Не волнуйтесь за меня. – Хейзел похлопала маму по ладошке, как маленькую девочку, помогла подняться со стула и довела до двери. – Поезжайте и не тревожьтесь за неё.

– Спасибо вам. Не знаю, как и благодарить.

– Это лишнее.

– Но вы ведь сообщите мне, если произойдут какие-то изменения? – Испуганно спросила мама, оглядываясь на койку. Она цеплялась за бледно-розовую сестринскую форму Хейзел из последних сил, как за тот самый спасательный жилет. Боялась оставлять единственного любимого человека на всей земле.

– Конечно. Но ничего не случится. Ступайте.

Когда нерасторопная, слегка неповоротливая медсестра Хейзел впервые появилась в этой палате, она вызвала лишь недоверие и улыбку. Тенью сновала за спиной кардиолога, пыхтела рядом с монитором, подключая его к полуживому телу, однажды даже поскользнулась на воде, что сама же и пролила на пол. Но чем чаще эта женщина появлялась в палате, тем больше она мне нравилась. Напоминала этакую бабулю из пригорода, которая закармливает яблочными пирожками, никогда не красит волосы и ойкает при каждом движении.

Но лишь в этот момент, когда она выпроводила мою маму домой и заняла её наблюдательный пункт на неудобном стуле около койки, я увидела, как широко не её тело. А как широка её душа. Хейзел – а я ведь даже не знала её фамилии – не переживала за то, что отлынивает от работы. Её смена закончилась пятнадцать минут назад. И она тратила свой законный выходной на то, чтобы посторожить постель больного, вместо того чтобы заслуженно отдохнуть. Лишь бы моя мама не переживала.

Пухленькая, без маникюра рука медсестры потянулась и дотронулась до пациентки, чьё сердце билось в унисон с аппаратом.

– Ну что, милая. Давай порадуем твою мамочку, когда она вернётся. Тебе просто нужно очнуться.

Она слегка сжала бледные пальцы девушки на постели. И я почувствовала тепло. Ведь я и была той девушкой на койке.

По каким-то необъяснимым причинам я не чувствовала той боли, что испытывало моё тело. Лишь ту, что испытывала душа, но эта боль немного другого рода. Но когда кто-то касался меня – той меня, что осталась лежать на кровати с перебинтованной грудью и сломанной ногой – я чувствовала эти касания. Тепло человеческого тела, нежность или грубость кожи в зависимости от того, кто мне его дарил: мама, доктор Лэнг или медсестра Хейзел. Больше было некому. Может, так и должно быть? Наши тела не должны чувствовать боль, лишь заботу, сострадание и любовь. Ведь ради них мы приходим в эту жизнь.

Прикосновение Хейзел было настойчивым. Если мама словно боялась тронуть мои поспевшие пальцы или провести по изрезанному осколками лобового стекла лицу, то эта женщина

сжала мою руку так, чтобы я почувствовала её поддержку, её надежду, где бы ни находилась. И это сработало. Не знаю, как называлось то место, где я застряла, но я её чувствовала. И хотела бы ответить, но никак не выходило.

Может, пойти за мамой? Я выходила из этой палаты всего два раза, когда пришла в себя и в безумии носилась по коридорам, размахивая руками и вопя что есть мочи, лишь бы меня заметили. Но никто не видел. Смирившись, я вернулась сюда и просидела у собственного тела больше шести часов вместе с мамой. Она примчалась, как только ей сообщили. Не успела даже снять этот ужасный передник из бара «Роско», где подрабатывала в ночную смену. Взъерошенная ещё больше, чем обычно.

А второй раз, когда пошла проверить, что там с Хейли. Но так и не нашла её. Скорее всего, она отделалась лёгким испугом и, получив пару ссадин, уже давно укатила домой в блестящем «мерседесе» своего папочки. У Морганов найдётся и приличная медицинская страховка, покрывающая все счета, и деньги на ремонт «мустанга» Джейка. Это моей маме придётся брать кредит, чтобы оплатить моё пребывание здесь. Только подумав обо всём этом, я бросила поиски Хейли и вернулась к мамочке под крыло. Мы вместе, вдвоём против целого мира.

Мне хотелось домой. Так сильно, что я готова покинуть своё полуживое тело и сбежать. Интересно, могу я перемещаться в пространстве? Проходить сквозь стены или по щелчку перепрыгивать за сотни миль? Неплохо было бы обзавестись таким навыком. Но вместо того, чтобы потратить время с пользой – проверить, что я могу, где я и что вообще всё это значит – я просидела всю ночь бок о бок с мамой, предаваясь тем же бранным мыслям.

Я пробовала заговорить с ней. Дотронуться, обнять и даже толкнуть. Но всё без толку. Я ведь ненастоящая. Настоящая лежала на кровати и пыталась выкарабкаться из крайне неблагоприятного положения. А я была её проекцией. Её фантомом. Или, всё наоборот?

В уголке глаза Хейзел собралась крошечная капелька. Эта женщина не знала меня, видела впервые в жизни и ничем не была мне обязана, но чувствовала грусть от того, что я на грани. От того, что моё тело превратилось в переломанную игрушку, с которой больше никто не захочет играть.

– С тобой всё будет хорошо. – Тихо сказала Хейзел и ещё крепче сжала мою руку. Мне стало даже чуточку больно, но это ничего. Это приятная боль.

Мне захотелось поблагодарить медсестру за то, что она переживает за меня. Что позволила маме уйти и держит своё обещание – не спускает с меня глаз и следит за каждым биением моего больного сердца. С ним какие-то проблемы. Я слышала, как доктор Лэнг беседовала с мамой на каком-то своём докторском языке, но мало что поняла, потому что пыталась докричаться до них обеих. Пыталась вернуться в своё тело. Но не нашла туда дороги. Надеюсь, доктор Лэнг вернётся и объяснит всё ещё раз, чтобы я знала, что со мной. Очнусь я или навечно застряну здесь, между реальностью и вымыслом.

Сколько раз я не пробовала, у меня не получалось, поэтому я не надеялась на удачный исход и в этот раз, но всё же вытянула руку, чтобы погладить плечо Хейзел. До него оставалась пара сантиметров, как вдруг я услышала крик.

Нет, настоящий вопль. Так вопит раненый зверь, в которого волк воткнул острые зубы. Болезненный, истощенный, смертельный. Я одёрнула руку и забыла о доме. Помчалась по коридорам на звук, попутно оглядываясь на мелькающие мимо лица. Никто не слышал этот рёв. Все продолжали заниматься своими человеческими делами, и от этого мне стало только страшнее. Мурашки покрыли всё моё иллюзорное тело. Немыслимо! Я всё ещё испытывала ужас, ощущала озноб, моя кожа топорщилась от пупырышек. Что я?

Я проделала немалый путь. Из отделения реанимации в нейроинтенсивную терапию на том же этаже. Я бежала, как могла. За последний год я набегала столько миль, что этот марафон по больнице должен бы показаться лёгкой разминкой перед многочасовым забегом. Но я

еле дышала, потому что страх обхватил мои лёгкие, не давая им полностью раскрыться, напитаться кислородом. Прямо как в те первые разы, когда я только-только пробовала выходить на пробежку, но моё тело отказывалось совершать такие титанические усилия. Вот что делает с людьми любовь к сладкому и страх. Мешает двигаться в том направлении, куда тебе надо.

Я пробежала мимо сестринского поста в другом крыле больницы, по инерции оббегая людей, хотя не могла бы с ними столкнуться. Рефлексы и инстинкты остались со мной. Я бы просто проскользнула сквозь них, как в тот раз, когда доктор Лэнг резко шагнула к мониторам, возле которых я стояла и глядела на неё с мамой. Но ничего не случилось. Она лишь странно поёжилась, будто почувствовала холодок. Зато я заледенела, как статуя на свадебном приёме.

Наверняка раз я могу проникать сквозь людей, то могу проходить и сквозь стены. Но удостоверить в этом не представилось случая. Впервые удача открывала передо мной все двери. Удача, принимающая обличия разных людей. Санитарки, что вкатывала в отделение тележку со всяким медицинским инвентарём. Бородача в белом халате, задумчиво придерживающем двери для мамы с двумя детьми. Или престарелой женщины, что пришла навестить кого-то и задержалась у сестринского поста.

Откуда-то послышались другие шаги. Резвые, стремительные, настойчивые. Кто-то поравнялся со мной и бежал в том же направлении. Лишь полы белого халата мелькнули и тут же исчезли.

– Сюда! – Позвал знакомый голос. Белый халат летел на его зов. Значит, не только я слышала его?

В тени коридора стояла фигура мужчины. Подбежав поближе, я различила в его чертах Чейза Моргана, отца Хейли. Он был напуган и махал рукой, подзывая меня.

Крик прервался, а затем послышался плач. Совсем близко. Я пронеслась мимо кофейного автомата и ряда стульев для посетителей и свернула прямо в открытую дверь палаты. И тут же замерла.

Это Хейли.

Она тоже здесь...

Она стояла над постелью с собственным обездвиженным телом и плакала. Стонала и бормотала что-то, будто лишилась последних остатков разума. А может, так оно и было? Мы обе просто сошли с ума и нам всё это видится? Наши тела, безразличные люди, родители, что не видят нас.

Миссис Морган стояла над телом дочери и плакала, зажав ладонью рот. Гладила Хейли по голове, будто надеясь, что от этого будет толк. Аппаратура сходила с ума вместе с нами. Сердцебиение на мониторе зашкаливало, показатели давления подскочили, и противное пиликанье перекричало бы вой сирены. Вслед за мной влетели сразу несколько человек. Белым халатом оказался худощавый врач, который тут же принялся проверять состояние Хейли. Две молоденькие медсестры закрутились рядом, как два золотистых ретривера в поисках брошенного мячика.

Мистер и миссис Морган прижались друг к другу, как одно целое, возле постели тела дочери и со слезами на глазах наблюдали за махинациями медиков.

– Хейли! – Позвала я, зная, что она меня услышит.

Плач тут же прекратился. Слезы перестали рваться наружу и заливать простынь невидимыми лужицами. Зелёные глаза, полные непонимания и ужаса, уставились на меня.

– Тедди?

Я нашла её. Просто пришла на крик и нашла. Как бы я ни злилась на неё буквально двенадцать часов назад, сколько бы обид не копила за весь этот год, я была рада видеть свою Хейли. Теперь я не одинока. Теперь мы вместе в одной лодке. Главное, чтобы она не потонула.

Хейли

– Поверить не могу. Так ведь не бывает.

Мой лечащий врач – высокий, сутулый мужчинка за сорок – и вся его свита давно покинули палату. Как только привели кривую моего сердцебиения в норму, так и поспешили прочь, в двух словах объяснив родителям, что всё в порядке.

– При черепно-мозговых травмах могут наблюдаться скачки давления или пульса. – Сказал он напоследок. – Травма головы, так или иначе, влияет на работу нервной и сердечно-сосудистой систем. Отсюда и тахикардия.

Он говорил так, словно меня здесь не было. Так, словно моё состояние – вполне себе обычное явление. В его мире – может быть, но не в моём.

Родители пытались разузнать о моём самочувствии чуть больше, но доктор – я глянула на его бейдж и увидела фамилию Макклири – тут же получил новый сигнал бедствия и умчался спасать кого-то другого, бросив в дверях:

– Срочный вызов. Я скоро вас навещу.

Он-то думал, что сам всё уладил. Взмахнул своей волшебной докторской палочкой и восстановил мои показатели. Пускай порадуется себе, но всё это сделал не он. А Тедди. Она схватила меня в объятия и утешала, пока я не задышала ровнее. Пока моё сердце не вошло в привычную колею.

Как такое может быть? Мы с ней здесь... неизвестно в каком измерении. Она может меня касаться, а другие даже не улавливают моего дыхания. Родители пережили настоящий шок, когда всё запиликало, как на концерте бездарного скрипача, но теперь снова заняли свои почётные места праздных наблюдателей у смертного ложа дочери.

Я ведь стояла здесь, около кровати. Чувствовала целую бурю эмоций внутри. Я не была мертва. Но, видимо, и жива тоже не была. Потому что тело моё лежало передо мной. И лишь вздымающаяся грудная клетка, да тот самый противный писк напоминали всем, что моё сердце бьётся.

Монитор отсчитывал каждый его удар, измерял моё давление и уровень кислорода. Мои родители молча слушали это надоедливое попискивание – для них оно было приятной мелодией. Как только его ритм собьётся снова, писк ускорится или прекратится вовсе – со мной случится что-то страшное. Они это знали и наслаждались размеренным монологом аппаратуры.

Голова моя напоминала один из клубков, что бабуля Грета держала у себя в корзинке для рукоделия. Только вместо ниток на мою головешку были намотаны бесконечные полоски бинтов. Как слоёный торт! Лицо всё в порезах. Точно, стекло ведь разлетелось вдребезги. А я и не помнила, как его осколки вонзались в мою плоть. Самый длинный – под правым глазом. Рифлёные края его зигзага смотрелись ужасно. Наверняка стекляшка вошла глубоко и открыла кровяные реки, потому что виднеются швы, искусно наложенные кем-то из местных хирургов.

Изо рта торчала трубка. Мамочки... Я похожа на чудовище. Трубка – это ведь очень серьёзно, да? Значит, я не могу сама дышать. Не может быть. Этого просто не может быть со мной! С другими, не со мной.

Правая рука тоже была перебинтована и покоилась на повязке. Два торчащих пальца изрезаны, как огурцы на салат. Какие ещё травмы заполучило моё бедное тело – непонятно. Простынь натянулась до пояса и скрывала нижнюю часть тела. Боже, надеюсь с моими ногами всё в порядке! Их не ампутировали, они не переломались в сорока местах и не парализованы. Джейку нравились эти ножки. А как *мне* они нравились! Ходить, бегать, запрыгивать на спину к Джейку. Если их сильно повредило во время аварии, смогу ли я делать всё это?

– Мне это снится? – Спросила я, хотя знала ответ.

– Если так, то у нас один и тот же сон.

Так странно. Совсем недавно мы орали друг на друга, а теперь стоим плечом к плечу и ведём философские беседы. Словно не было аварии, ссоры и этого года лжи, обманов и зависти. Словно она меня не предавала.

– Мы типа умерли? – Озвучила я свой самый главный страх.

– По всей видимости, нет. Видишь, твоё сердце бьётся. – Тедди указала на монитор.

– А твоё?

– И моё тоже. Только совсем в другом отделении.

– У меня голова забинтована. Я ударила голову?

– Скорее всего. Твой врач сказал, у тебя черепно-мозговая травма.

– А с тобой что?

– Толком не знаю. Вроде как сломана нога и что-то с грудиной. Я прослушала всё, что говорила доктор. – Тедди нервно хохотнула. – Когда я пришла в себя, то тоже не могла поверить в происходящее. Доктор рассказывала маме о моём состоянии, а я бегала по палате и пыталась дозваться их. А потом произошло всё в точности, как с тобой. Мониторы выжили из ума и не восстановили показатели, пока я не успокоилась. Моя мама и доктор пережили настоящий ужас за это время, но так и не поняли, что я рядом. Что я срываю глотку, чтобы их дозваться.

– И как?

Тедди выдержала паузу, которая заставила моё сердце ёкнуть. Монитор прорисовал чуть более резкий зигзаг, на что мои родители тут же забеспокоились, но всё снова пришло в норму.

– Нас никто не слышит, Хейли. – Тихо ответила Тедди, вытянула руку, чтобы коснуться меня, но тут же опустила. Вот куда мы приехали. Теперь еле можем даже коснуться друг друга. То объятие было крайней степенью, вынужденной мерой. Но теперь мы возвращались к тихой ненависти. – Не слышит, не видит, не знает, что мы здесь. Для них мы лежим без сознания и боремся за жизнь.

Я смогла наконец отвести взгляд от себя самой и посмотреть на родителей. Мама бледна как сама смерть. Как белая простыня, укутавшая мои ноги, или как эти невзрачные стены. Никогда не видела её такой, даже когда у Дэнни случился самый страшный приступ, а под рукой не оказалось ингалятора.

Она так и не притронулась к кофе. Она ведь любила хороший – кенийскую арабику свежего помола, с ложечкой сливок и щепоткой корицы. А если грустила, то с каплей шоколадного ликёра. Мама была гурманом, но не привередой, и отказывалась пить больничное варево не из-за капризов, а из-за того, что ей сложно было сделать глоток. Она не сводила глаз с меня. Той меня, что не могла ей ничем ответить.

Папа же что-то искал в телефоне. Хотя, скорее всего, переписывался с кем-то по работе, решал важные вопросы и был одной ногой в мире больших финансов. Я его не винила. Отец – настоящий мужчина и кормилец семьи, без которого «Ллойд Кэпитал» и его начальник Дерек Гордон просто пойдут ко дну. Как и все Морганы.

– То есть мы – призраки? – Продолжала расспрашивать я, будто у Тедди были ответы на все вопросы. Впрочем, она всегда была умнее меня.

– Призраки – души умерших. Мы с тобой пока живы.

– Значит, мы зависли где-то между? Как в фильмах?

От самой этой мысли становилось дурно. Ну не смешно ли? Я вышла погулять из своего тела. Невидимый сгусток энергии, чувств и мыслей, но я всё ещё могла испытывать тошноту, душевную боль, страх.

– Я знаю не больше твоего. – Мягко сказала Тедди, боясь напугать меня ещё больше. – Но думаю, что так и есть.

– Но как нам попасть... обратно? Как вернуться в свои тела?

– Хотела бы я знать! – Тедди начинала раздражаться. – Мы попали в серьёзную передрыгу, Хейли.

– Я не хочу умирать... Не хочу навечно застрять вот так...

– А я по-твоему хочу? Я в таком же положении, что и ты. Но как обычно, ты строишь из себя великую мученицу.

Эта микровспышка в мой адрес навеяла воспоминания о нашей ссоре. О том, как моя лучшая подруга предала моё доверие и нашу дружбу. И внезапно я разозлилась, как бык, которому помахали тряпкой.

– Великую мученицу?! – Всплеснула я руками. – Это по твоей вине мы попали в аварию! Это ты не справились с управлением и вмазалась в ограждение! И из всего этого грёбаного мира я застряла здесь именно с тобой! Просто потрясно! Из-за тебя мы можем никогда не вернуться назад!

– Из-за меня? – Взревела Тедди, и наше короткое перемирие снова разразилось войной. – Если бы ты вела себя как взрослый человек, то ничего этого не было бы! Ты виновата в случившемся ровно как и я!

– Ну нет! *Ты* сидела за рулём! *Ты* гнала, как ненормальная! Это *ты* испортила мне жизнь!

– Поверить не могу. – Тедди изменилась в лице. Смотрела на меня так же, как мама там, в коридоре. Не видя. Словно сквозь. Словно я пустое место. – Думаешь, я хотела этого? – Хрипло спросила она. – Думала, мы с тобой навсегда... Но если ты так хочешь, могу избавить тебя от своей компании.

И я осталась одна. Да, здесь были родители, но они видели лишь мою оболочку. Израненное тело без души.

Я же стояла в метре от них и оставалась невидима. И единственный человек, который мог со мной поговорить, только что ушёл и вряд ли уже вернётся.

Тогда

Хейли

Мои родители перебрались на побережье Лонг Айленд Саунд, как только поженились. И эта волшебная дата совпала с открытием филиала «Ллойд Кэпитал», где оба на тот момент работали. Сорвали двойной куш, как говорится.

Вся их жизнь была связана с «Ллойд Кэпитал». Оба попали туда после университета на стажировку, хоть и в разные годы. Оба прокладывали себе дорожки наверх, но, как бывает, отец преуспел в этом чуточку больше. Но мама никогда не стремилась занять кресло поудобнее на этаже повыше. Она из тех женщин, кто занимается карьерой ровно до тех пор, пока на горизонте не появится настоящий мужчина, с которым захочется создать семью.

Думала ли она об этом, когда впервые увидела Чейза Моргана в стеклянных, пропахших кожей и дорогим кофе коридорах «Ллойд Кэпитал» на задворках Верхнего Ист Сайда? Кто знает. Но вот папа потерял голову, едва разглядел зелёные глаза Кейт – тогда ещё Миллиган – среди десятков других. Это он так любил вспоминать, а мама всегда подпихивала его локтем в бок, чтобы не говорил ерунды.

Но я верила отцу. Даже двадцать лет спустя он так смотрел на маму, будто весь мир сжался лишь до размера её зелёных глаз.

Хотела бы я узнать всё о том, какими были мои родители в молодости. Но дети могут довольствоваться лишь тем, что им позволяют услышать родители. Морганы ничего не скрывали о своём прошлом, но, сколько я не пыталась выведать про их отношения, мне удалось разузнать лишь три главных факта. Их роман развивался стремительно, как костёр разгорается из сухих веток. Они поженились в маленькой часовне в Астории перед самыми близкими и на следующий же день сбежали из Нью-Йорка на двести миль севернее вдоль побережья. Сюда, в Нью-Хейвен. А здесь уже начали новую жизнь и первым делом перезнакомились со всеми соседями.

Одной из них оказалась мама Тедди.

Дом Елены Раморе был раза в три меньше нашего, хотя на момент переезда родители только мечтали о большой семье, и пока некому было заполнять пустые комнаты. Он стоял почти впритык к нашему с западной стороны. Маленький нюанс, который чуть не стоил родителям покупки этого дома, тихой жизни в маленьком городке, и нашей дружбы с Тедди. Мама не любила, когда нарушали её границы, а вид чужой кухни прямо из окон нашей так и кричал об их отсутствии.

Но дом очаровал их, к тому же хозяйка переезжала к родственникам, вот и продавала его за смехотворные гроши. Тогда отец ещё не получил должность главы отдела корпоративной ответственности – без понятия, что это означает – и зарабатывал куда как меньше, а мама... Что ж, мама бы с радостью променяла карьеру в финансовом секторе, чтобы обустроить уютное гнёздышко для новоиспечённого мужа и будущих детей. Правда, ушла из компании лишь после рождения Дэнни, но это уже совсем другая история...

Говорить, что Морганы общительны, как болтливые сороки, думаю, не стоит. Пять минут в их компании – и любой понимает, что эти двое состоят из генов дружелюбия и желания со всеми быть в хороших отношениях. Странно, что эти гены передались лишь Дэнни, но неважно. Не успели родители распаковать все коробки, как уже перезнакомились со всеми соседями, получили четыре предложения на барбекю, подробный отчёт о всех жильцах Ферри-стрит от мистера Найта – он, кстати, и двадцать лет спустя живёт одними сплетнями – и приглашение вступить в местный книжный клуб.

Родители идеально подошли местному обществу, хоть и были слеплены из другого теста. Жили в доме с пятью спальнями и белым фасадом, тогда как соседские стены потемнели от непогоды и смотрелись потрёпано. Как корешки библиотечных книг, которые трогали сотни рук. Они выходили из дома в строгих костюмах от каких-никаких брендов, садились в «мерседес» – тогда ещё старой модели – и ехали в центр, в одно из новых стеклянно-претензионных зданий. Тогда как соседи влезали в годами ношенные вещи и бежали пешком до ближайших аптек, продуктовых или муниципальных учреждений, где прозябали до шести вечера.

Но их всё равно любили. Морганов невозможно не любить, ведь они никогда не кичились ни пятью спальнями, ни строгими нарядами «от кутюр», ни «мерседесами». Наглядный пример того, что внешность бывает обманчива. Не суди о книге по обложке. В общем, все подобные избитые фразочки о том, что главное – это то, что внутри – это про моих родителей.

Мамины переживания по поводу того, что дом Раморе стоял рядом и нарушал все мыслимые и немыслимые законы уединения, рассеялись на следующее же утро после переезда. Она спустилась на кухню с утра пораньше, чтобы побаловать отца завтраком в постель, приготовленным на новенькой плите. Папа был классиком во всём, в том числе и в завтраках, поэтому часто начинал день с омлета или яичницы.

И только мама собиралась поджарить что-то яичное, как поняла, что вчера они успели позаботиться обо всём. Кроме продуктов. В холодильнике не оказалось ни яиц, ни молока для кофе, ни хлеба. Она зависла посреди кухни, не зная, что приготовить из несчастных остатков вчерашнего мясного рулета из забегаловки «Буэн Густо» в квартале от дома, как услышала какой-то стук. Словно рой пчёл врезался в стекло. А потом снова.

Мама подняла голову и увидела, что на неё пялятся. В окне напротив маячила Елена Раморе и неловко махала рукой, чтобы новая соседка открыла раму. Мама немного смутилась и своего тонкого халата, и заспанного лица, и такой странной утренней встречи, но распахнула окно настежь и, как и подобает приличной соседке, улыбнулась.

– Вы что-то хотели? – Вежливо спросила она, хотя такое вторжение в личное пространство уж точно выходило за всякие рамки. В десять часов утра ещё может быть, но не в половине седьмого!

– Доброе утро. – Смущённо ответила Елена Раморе. – Простите, что я лезу не в своё дело... Но я заметила, что вам нечего приготовить на завтрак.

Мама уже хотела было показать этой вторженке нью-йоркское воспитание и посоветовать, чтобы та не лезла в чужую жизнь, да не подсматривала в окна, но не успела.

– Я хотела предложить вам яиц. – Внезапно сказала соседка, протягивая через окно лоток. – А ещё может вам нужно молоко или сливки? Я вот не могу пить чёрный кофе.

Тонкие руки Елены протянули и молочник заодно. А потом ещё баночку с песочным печеньем, тостовый хлеб, помидоры-черри и даже связку петрушки.

– Наверняка вы забыли про еду со всем этим переездом. – Всё так же немного неловко пожала плечами женщина, пока моя мама приходила в себя от такого участия. – Ну... не буду вам мешать. И обещаю больше не подсматривать в окна.

Елена выпустила смешок и потянулась за ручкой, чтобы прикрыть окно и снова воздвигнуть барьер между ними. Мама была так поражена этим добрым жестом, что забыла поблагодарить за яйца и молоко, а её омлет подгорел. Небывалое зрелище – у моей мамы никогда ничего не подгорало.

Тем же вечером она постучалась в дом к Раморе и вернула всё, что одалживала утром, на этот раз не забыв сказать «спасибо».

– Ну что вы. – Лишь отмахнулась мама Тедди. – Мы ведь теперь соседи. И должны друг друга выручать.

И с тех пор наши мамы сдружились на зависть другим обитателям Ферри-стрит. Они напоминали двух девчонок, что рисуют сердечки в дневниках, обсуждают мальчишек и пекут

печеньки по выходным, разве что ночевать друг у друга не оставались. Ну, так, по крайней мере, рисовало моё воображение, когда мама рассказывала о своей дружбе с миссис Раморе.

Они быстро спелись, как две хористки, берущие одни и те же ноты. Все вечера, что отец задерживался в офисе, мама проводила в доме Елены или же вытаскивала её куда-нибудь «в люди». Мама приобщала соседку к культурной жизни мегаполиса, вспоминая истории из Нью-Йорка, а та, в свою очередь, учила жизни в маленьком городке, таскала по местным музеям, обсерваториям и колоритным заведениям.

Их крепкая дружба длилась примерно два года, а потом что-то пошло не так. Мама мало что рассказывала, а я видела, как ей горько вспоминать те времена и не настаивала. Знала только, что в какой-то момент мама Тедди разорвала все связи с Морганами. Не отвечала на звонки, не открывала двери, когда мама приходила с тёплым пирогом и крошкой Диланом под мышкой. Мама переживала, что она сама виновата в разладе.

– Когда рождается ребёнок, подруги отходят на второй план. – С грустью говорила она, когда я расспрашивала о ссоре с миссис Раморе. – Я старалась уделять Елене внимание, но, не стану скрывать, что отдалилась от неё, потому что всё свободное время возилась с Диланом.

Мама ещё какое-то время пыталась наладить отношения с соседкой, но та даже смотреть в сторону моих родителей не могла. И дружба рассыпалась, как мука из пакета.

А потом родилась я почти в одно и то же время с Тедди. И нашу дружбу уже ничто не смогло разрушить.

Ну, почти ничто... Так я думала, пока не узнала правду.

Тедди

В первый раз я увидела Хейли *по-настоящему* в окне её спальни, когда делала домашку по математике. Мама, как обычно, бросила меня на произвол со всеми этими вычитаниями слонов и мартышек, а сама снова убежала на работу в «Патио Пицца». Обычно она отпрашивалась на полчаса, чтобы забрать меня с уроков, накормить полусъедобным обедом и оставить за старшую в пустом доме, где больше никого не было.

Знаю, не очень-то ответственно, но у неё просто не было выбора. Няня стоила бешеных денег, а официантки тогда из *бешеного* зарабатывали разве что стресс. Не срывали куш, чтобы расплачиваться за приличную школу, оплачивать счета, одежду и еду, да ещё и позволять какой-то незнакомке вклиниваться в моё воспитание.

Мне же нравилось ощущать себя взрослой. Быть взрослой – у меня в крови. Как и любовь к сладкому. К тому же, я была примерным ребёнком. А если и нарушала правила, то только те, в которых говорилось «не таскать печенье из банки» и «не трогать шоколадки до ужина». Когда мама возвращалась с работы, она находила меня в целости и сохранности, чего нельзя было сказать обо всех тех сладостях, что попадались мне на глаза.

Математика никогда не давалась мне легко – я корпела над тетрадкой, выводя цифры, но душа просилась на свободу. Все эти палочки знаков «минус» и «равно» напоминали стальные прутья клетки, что зажали меня со всех сторон. Зато в литературе и других гуманитарных науках мне не было равных. Что ещё делать ребёнку, предоставленному самому себе почти двадцать четыре часа в сутки? Произведения из школьной программы я прочитывала за две недели до уроков – мисс Джульярд восхищалась моими успехами и одной только мне выдавала список книжек, что мы только будем проходить.

Моя домашняя библиотека не была особенно богата – так, полочка над рабочим столом с историями о русалках, королевских династиях и прекрасных принцах. Они спасали меня от тоски и одиночества, от жизни там, за окном, куда мама не пускала меня в одиночку. Каждую из книг я знала почти наизусть, но у нас не было денег, чтобы постоянно покупать мне новые. Зато маме не приходилось выдумывать, что дарить мне на день рождения. Я всегда получала в подарок книгу, и была счастлива, словно под упаковкой прятался единорог.

Я мечтательно выглянула в окно, словно забыла, что из моей комнаты открывался не самый красочный вид. Но нет. Кирпичная стена белого дома, где обитали соседи. Морганы, так мама их называла.

Мне они всегда казались какими-то персонажами из волшебной сказки. Одной из тех, что стояла себе на моей книжной полочке. Королевское семейство, обитающее в роскошном замке, пусть и без высоченных башен. По сравнению с их хоромами наш с мамой домик напоминал захудалую избушку. Разве что курьих ножек не видно. Две спальни наверху, общая гостиная, где еле умещался диван и телевизор, да кухня. Маме хотя бы повезло: из её окна виднелась вся улица. Соседские лужайки, каштаны вдоль проезжей части и крыши далёких высоток Вустер Сквер. А я большую часть времени задёргивала шторы, чтобы не попадаться на глаза девочке, что жила напротив.

Я часто видела её. Порой, даже чаще, чем собственное отражение в зеркале. Мы выходили из дома почти в одно и то же время. Только я медленно плелась за вечно спешащей мамой и забиралась на заднее сидение старой развалюхи, что мы подыскивали на рынке подержанных авто. А она радостно выбегала в компании брата, что был на полголовы выше и учился на два класса старше. Они наперегонки мчались к блестящей новенькой машине, пока их родители чинно выплывали следом и с умилением наблюдали за любимыми детьми. Заметив нас, они непременно махали или кричали «Доброе утро!», как положено всем соседям. Но моя мама, отчего-то, лишь скупой кивала в ответ и подгоняла меня.

В такие моменты папа той девочки как-то поспешно отводил глаза, а мама менялась в лице. Уголки её красиво подведённых, на помаженных губ опускались, а глаза становились уже не такими зелёными. Я видела такое выражение лица у своей мамы почти всегда. Печаль и отчаяние – вот что скрывалось за этими малозаметными знаками. Однако я привыкла к тому, что *моя* мама всегда печалилась, но не та миссис. И я не могла взять в толк, отчего она грустит.

И расспросить ту девчонку тоже не могла. Она не сидела за мной на уроках, чтобы мы могли вот так просто подружиться. Давать друг другу списывать на тестах мистера Крю, обмениваться записками о противных одноклассниках под столом, стрелять бумажными комками в Руди, задиру, каких поискать. Он всегда воровал моё яблоко в столовой, запутывал волосы и приклеивал жвачки к стулу, но некому было за меня заступиться. А эта девочка выглядела так, будто всегда заступает за тех, кто слабее.

Проблема была в том, что мы учились в разных классах, хоть и ходили к одним и тем же учителям. Её миленькие юбки и блузки с узорчатыми воротниками преследовали меня повсюду. Я с любопытством, ну и немного с завистью, любовалась её нарядами, оттягивая свою бесформенную юбку-плиссе, на которой периодически расходились швы. Прикрывая ляжкой от портфеля пятно на жилетке то ли от пасты, то ли от ленивой лазаньи, которое не удалось вывести. Или пересчитывая мелкие дырочки – точно точки на спине божьей коровки – на плотных колготках, которые прогрызла моль, поселившаяся в моём шкафу.

Вокруг неё всегда вились другие девочки. Точно она центр карусели, а остальные – лошадки, движущиеся по кругу. Даже у магнита не столь сильный полюс притяжения – к ней магнитилось всё, что дышало. Одноклассники, учителя, зверюшки из живого уголка в кабинете миссис Хикс. Все её любили.

Порой во мне бурлило желание подойти к ней и попроситься в её свиту. Стать частью весёлой компании и её жизни. Узнать, каково это, так задорно смеяться, запрокинув голову, пока твои ноги скачут через резиночки, пока кто-то плетёт косички из твоих густых волос или пока вы сплетничаете о мальчишках. Но я робела. Не могла даже шагу ступить в её сторону. Если чем мама меня и наделила при рождении, так это непослушными волосами, склонностью к полноте и трусостью. Перед людьми, перед жизнью и даже перед самой собой.

А сколько раз она мелькала в окне! Наши дома ведь стояли плотничком. Две грани одной фигуры. Я старалась не наблюдать за тем, что она там делала, но не могла удержаться и порой заглядывала внутрь, если знала, что меня не поймут с поличным. С завистью разглядывала кровать с балдахином, совсем как у принцессы. Гардероб с блестящими маечками, в котором наверняка жили разноцветные феи, а не прожорливая моль. Большущего розового медведя, с которым можно было не бояться монстров под кроватью. Громадный стеллаж с бесконечными цепочками книг, которые всегда пополнялись новыми. Всё то, чего у меня никогда не было.

Тот день был самым обычным. Одним из сотен таких же одиноких дней, когда меня предоставили самой себе. Слоны никак не хотели складываться в одно стадо, поэтому я замечталась: как бы здорово было пойти сейчас в парк, как другие девочки с мамами. Или вместе испечь пирог, посмотреть мультики, устроить чаепитие. Сделать хоть что-нибудь вместе...

И тут я заметила, что окно той девочки распахнуто настежь. Створки едва ли не касаются моей открытой форточки. Перешагни – и можешь забраться к ней в комнату. На секунду стать ей, а не собой – пухлой, одинокой девчушкой с перепачканными шоколадом губами. Какие там слоны и вычитание!

Я отложила карандаш и сперва с опаской, а затем чуточку смелее, вытянула шею. Позавидовала жирафам, которые могли разглядеть всё, что им нужно, с расстояния в девять километров. Может, с математикой я была и не в ладах, зато в естественных науках плавала, как акула в океане – с чувством полного превосходства.

Моей соседки не было видно. Наверняка она проводила время с братом или мамой, а не с какими-то арифметическими слонами. Значит, она не увидела бы, что я вторгаюсь в её

личное пространство. А мне так хотелось рассмотреть её спальню получше. Зависть в тот миг работала сильнее совести.

Я облокотилась о подоконник своего окна, высунулась из него почти наполовину и стала шарить глазами по комнате, которая никогда бы не стала моей. Так: раскрытый учебник по английскому – уж я-то знаю, с ним я покончила минут двадцать назад. Набор разноцветных карандашей – да я ведь тоже люблю рисовать! А ещё пушистый пенал и...

Внезапно на меня уставились зелёные глаза. Вынырнули прямо из-под стола и блеснули искренним удивлением. Я так испугалась – скорее от того, что попала на месте преступления, чем от неожиданности. И не придумала ничего лучше, как...

– А-а-а-а! – Завопила я, будто на меня выскочил маньяк из-за угла.

Я была тихой, как улитка, но в то мгновение зашлась воплем. Сама не ожидала, что способна на такое. Во мне прорезался голос, а в девочке – ужас. Она отпрянула от окна и стала вопить в ответ. Так мы и кричали, как две сумасшедшие, и пилились друг на друга через открытые окна.

А потом вмиг стало тихо-тихо. Только эхо продолжало дребезжать по стеклу.

– Ты чего так разоралась? – Спросила девочка.

– Ты меня напугала! А ты чего?

– А ты напугала меня!

Её губы, намазанные чем-то блестящим, вытянулись бантиком. Посмотрите на неё! Надулась, как обиженная обезьянка! Но не успела я об этом подумать, как они тут же растянулись в радостной усмешке. А потом и вовсе из них вырвался безудержный смех.

Она засмеялась так звонко, так заливисто, что нельзя было не поддаться её радости. И я захохотала на одной волне с ней. Только что мы голосили на всю Ферри-стрит, а теперь смеялись, словно ничего смешнее с нами не происходило. Хотя... Если оглянуться на мою жизнь, пожалуй, *так* я и правда никогда не смеялась.

Дверь в комнату девочки распахнулась, и мы умолкли так же синхронно, как и минуту назад перестали орать.

– Хейли! Что случилось?

Её старший брат. Взлохмаченные каштановые волосы выдавали в нём настоящего Моргана. Он стал разглядывать комнату сестры, ища источник воплей. Подумал, что что-то ей угрожает? В мою комнату никто так не вломился, потому что меня некому было защищать.

– Ничего, Дил. – Девочка посмотрела на меня и тихо хихикнула. – Мы просто балуемся.

Дил – это сокращение от... Дилан, Диллард? Я понадеялась, что это не было его полное имя, иначе парню приходилось бы в жизни ещё туже, чем мне.

– Вы можете баловаться потише? – Строго спросил мальчик и зыркнул на меня так, словно я была виной всем вселенским бедам. – Я пытаюсь починить вафельницу.

Он казался немногим старше нас. А шупловатой фигурой и вовсе походил на мальчишку из параллели, но никак уж не двумя классами старше. Но строгий взгляд, серьёзность, закрапавшаяся в мурость бровей, а ещё эти очки в толстой оправе делали его старше сразу на несколько лет. Словно кто-то впихнул старика в тело восьмилетнего мальчика.

Дил – или как там его звали по-настоящему – подтянул очки выше на переносицу и, покачав головой, как разочарованный взрослый, ушёл заниматься своими важными делами.

– Это мой брат, Дилан. – Объяснила девочка, поворачиваясь ко мне. Фух, так всё-таки его звали Дилан и он не мучился от подколов одноклассников. – И не волнуйся, он не такой злока, каким кажется.

– Он и правда сможет починить вафельницу? – С восхищением и недоверием одновременно спросила я.

– Конечно, это же Дилан! – Вот так просто ответила соседка. – Он может разобрать и собрать всё, что угодно.

Я лишь молча кивнула, но меня больше восхищали не навыки Дилана, а то, что у них была вафельница! Я ела вафли только по праздникам. Не на Рождество, День рождения или День благодарения. И даже не по тем, когда я приносила домой «отлично» по математике. Праздниками я называла те дни, когда мама получала хорошие чаевые в «Патио Пицца», присаживалась на корточки передо мной и говорила:

– Что-то мне сегодня не хочется готовить ужин. Куда ты хочешь пойти, милая?

Она могла бы даже не спрашивать, ведь мой ответ всегда был один и тот же:

– В «Раффл Ваффл».

Там подавали самые бесподобные вафли, которые я только пробовала в жизни! Ну ладно, не так уж много вафель я перепробовала, но всё равно никогда бы не выбрала другое место. Даже пончиковую возле старшей школы Нью-Хейвена, где тусовались ребята постарше. Или кафе-мороженое около «Мьюзик Холла».

Но эти счастливчики из дома напротив могли есть вафли каждый день. Мне стало любопытно, какие ещё приамбасы стояли у них на кухне или в ванной.

Моя партнёрша по «баловству» подошла к окну, облокотилась о подоконник, точь-в-точь как я и улыбнулась:

– Меня зовут Хейли. А тебя как?

И так я познакомилась со своей лучшей подругой и злейшим врагом.

Сейчас

Тедди

Что удерживает душу в этом мире? Спросите кого угодно, и даже самый закоренелый скептик ответит, что незаконченные дела. Как же нелепа и несправедлива жизнь, если обязательства не дают нам спокойно даже умереть. Нам дали второй шанс разобраться с нашими жизнями перед тем, как вернуться в собственные тела. Или навсегда заснуть и не проснуться.

Какое незаконченное дело беспокоило мою душу? Недоделанная домашка по математике? С ней у меня всегда были проблемы, но не думаю, что мистер Гонсалес так уж обидится, если я умру, не решив его логарифмические функции. Тайна, которую я хранила последний год? Хейли сама обо всём узнала и, собственно, поэтому мы и здесь, в больнице с переломанными конечностями и проблемами посерьёзнее. Может, вселенная хотела, чтобы я отыскала отца? Ответ, который я никак не могла получить при жизни.

Я шла, не разбирая дороги. Коридор перетекал в следующий и так до бесконечности, пока мой маршрут не упёрся в лестничную площадку. Вокруг кипела жизнь, но я не чувствовала себя её частью.

У нас с Хейли действительно всё кончено. Те годы, проведённые на подоконниках, оборвались, как последний лист бумажного календаря. После того, что было, она вправе злиться на меня, но обвинять в аварии! Вешать на меня ярлык чуть ли не убийцы? Никогда не думала, что дойдёт до такого. Мы одни в этом призрачном мире – нам бы сплотиться и попытаться понять, как вернуться назад, а не ссориться и обвинять друг друга во всём.

Конечно, её шок можно было понять. Судя по всему, я очнулась многими часами раньше и успела если не смириться, то хотя бы свыкнуться с мыслью, что больше не состою из плоти и крови. Лишь из иллюзорных сгустков чего-то неосязаемого. Хейли сложнее уложить всё это в голову, ведь она только-только очнулась ото сна. Да и признаться честно, из двух наших голова Хейли всегда была горячее. Я привыкла обдумывать, размышлять, искать общий знаменатель, она – паниковать и плакаться. Когда мы были вместе, эти две стороны наших характеров уравновешивали нас. Создавали идеальный баланс, вносили гармонию. Но стоило одной из нас сделать шаг в сторону, и устойчивая конструкция полетела россыпью.

Если бы Хейли не стала обвинять меня во всех грехах, если бы дала договорить, то узнала бы, *что* я обо всём этом думаю. Я хотела выкрикнуть в ответ, что виновен не ливень, не моя невнимательность и даже не вопли Хейли о том, что я предала её. Кто-то въехал в нас сзади, намеренно или случайно. Помню свет двух фар, что преследовал нас от самого въезда на шоссе. Если бы Хейли не отвлекала меня своими обвинениями, я бы смогла заметить больше, но увы... В задний бампер въехали, «мустанг» вильнул, я потеряла управление.

Может, это оно? Та причина, незаконченное дело, обязательство, что держало мою душу в этом безымянном мире «между»? Отыскать того, кто чуть нас не убил.

Жуть какая-то. Никто не хотел нас убивать. Те фары, что упрямо преследовали нас, – всего лишь человек, кому было с нами по пути. Толчок – не плод воображения, но наверняка мокрый асфальт учудил аварию. Не психованный преследователь. Мы с Хейли не самые примерные подростки во вселенной, но не настолько, чтобы вызвать чьё-то желание нас прикончить. Просто кому-то не повезло, он проскользил шинами по шоссе и вписался в нас.

Но мысли просто так не отрежешь, как ломоть хлеба. Подумав об этом однажды, я уже не могла избавиться от колюче-режуще-ноющего чувства опасности, тревоги и страха. А вдруг...

Вот бы сейчас оказаться дома! С детства я рвалась наружу, из старых стен скрипучего дома, далёкого от идеала. Но теперь, когда я оказалась вдали от него, он казался идеальным.

Хочу туда, в свою спальню, не в палату кардиологического отделения, где пищит монитор и кричит Хейли.

Но как мне добраться туда? Взять такси? Смех, да и только. Прodelать весь путь пешком? Я даже не знала, в какой больнице нахожусь. В любом случае, нельзя отдаваться во власть паники. Я не Хейли, которая поднимает визг при любом удобном случае. Неважно, на её плечо забрался паук, она получила неуд по литературе или увидела своё перебинтованное тело со стороны. Да уж, последнее, конечно, простительно, но в остальном она вела себя, как маленький ребёнок. Ещё одна бесящая вещь, на которую я закрывала глаза все эти десять лет. Стоило только нам высказать всё в лицо, и я стала понимать, что в нашей дружбе было много пробелов. Как в поломанном заборе. Где-то трещина, где-то не хватает целой штукетины.

Если уж Хейли намерена плакаться о том, какая она несчастная, что угодила в мир призраков – или как его называть? – то я не стану лить слёзы. Я привыкла к тому, что жизнь не очень-то хочет мне помогать, так что надо брать всё в свои руки. Нельзя же просто сидеть и смотреть на то, как моё тело умирает – то, что я и так проделывала последние шесть часов. Если есть какой-то шанс вернуть свою жизнь, какой бы несправедливой и одинокой она ни была – то я воспользуюсь им.

Все те, кто хорошо меня знал, – а это всего два человека, и то, мама иногда выпадает из этого ряда, – знал и то, что я обожаю составлять списки. В верхней шухляде моего письменного стола спрятаны пять разных блокнотов. В клеточку, на кольцах, датированные и с пустыми листами. И для каждого нашлось своё предназначение.

Самый тонкий линованный с обложкой-пушистиком – для целей и планов. Не то, чтобы я была такая уж целеустремлённая, но каждый вечер вырисовывала по десять пунктов, что нужно успеть сделать за следующий день.

В датированном ежедневнике я вела записи обо всём, что случалось со мной в жизни. Если я всё же умру, и кто-то сядет прочесть мой дневник, его ждёт скучное чтение и потраченное в пустую время.

Ещё в одном я вела подсчёт прочитанным книгам. Да, да, совсем помешанная. Я записывала названия книг и ставила им оценки.

Четвёртый же отвела для творчества, ведь я не только любила читать, но и сама писала истории, лелея надежду однажды стать прославленным писателем. Не второй Джоан Роулинг, но всё же. И в нём я записывала идеи для сюжетов, имена героев и прочие детали, которые могли бы пригодиться потом.

А вот пятый всегда оставался пустым. На всякий случай. Всегда найдётся какая-нибудь глупая идея, которую захочется перенести на бумагу. Как сказала бы Хейли:

– Ты же Тедди Раморе!

Да, я Тедди, чёрт возьми, Раморе. И сейчас этот пустой блокнот мне бы очень пригодился. В нём я бы составила список дел не на завтра. На сейчас. Список, который поможет мне выкарабкаться из этого проклятого мира грёз, фантомов и скорби. И первым пунктом я бы записала вот что.

Узнать название больницы.

Потом:

Выяснить про своё состояние, диагноз, травмы, прогноз.

А ещё про аварию. Не пострадал ли кто-то ещё? Боже! Только сейчас эта мысль пришла мне в голову. Какой же я ужасный человек. Оплакивала саму себя и даже не подумала, что моя неосторожность могла привести к ужасным последствиям. Ужасным не только для наших с Хейли жизней, для «мустанга» или спокойствия Джейка, но и для кого-то ещё.

Попробовать выяснить что-то про ту, другую машину, что ехала следом. Из-за яркого света, туманности и пелены из дождя я не заметила ни марки, ни даже цвета. Надо узнать в

новостях, в полиции, да где угодно, была ли ещё одна машина на трассе 91, которая участвовала в этом ДТП. Успокою свои подозрения.

Как только разберусь с насущными проблемами, придётся проверить, что я могу. Контактировать с людьми, проходить сквозь стены, а может, летать? Было бы неплохо, но остаемся реалистами.

Так, мы ехали по 91 шоссе, когда всё это случилось. Как раз съезжали на Уиллоу-стрит, когда прогремело так, словно земле пришёл конец. Но это не гром, а удар сзади. Ливень хлестал по лобовому, да ещё и Хейли кричала под руку. Я не удержала руль, вильнула, только слегка, но этого хватило для того, чтобы нас занесло на мокром асфальте. Колёса взвизгнули в крутом выраже поворота, а Хейли вместе с ними. Но потом они замолчали, а кричать начала уже я. И мы влетели в ограждение моста.

Это последнее, что я помнила. За нами следовал свет фар другой машины, но успела ли она затормозить или попала в этот ворох скомканного железа? Если мы поранили кого-то ещё, я никогда себе этого не прощу.

Ближайшая больница к 91 шоссе – Йель Мемориал на Ховард авеню. Наверняка нас забрали туда, но как бы узнать наверняка? Сестринский пост островком надежды засиял прямо передо мной. Конечно. Там наверняка найдётся куча бланков, карточек пациентов и визиток с названием больницы. И мне не придётся даже лазить по шуфлядкам или шкафчикам.

Вот что делает с людьми цель. Я тут же забыла о нашем инциденте с Хейли. О том, что наша дружба разбилась на всё том же 91 шоссе, правда, врезалась не в отбойник, а в реальность. Десять лет нашей дружбы не выдержали правды, как железо «мустанга» не выдержало столкновения с бетоном. Может, у нас ещё будет шанс воскресить её. Собрать по кусочкам, как Джейку придётся собирать свою любимую машину. Но пока есть дела поважнее разбитых сердец двух подростков.

Я зашла за стойку и без разрешения стала шарить глазами по заваленному столу. Медсестра, что торчала здесь всё то время, что я была в палате Хейли, куда-то отлучилась, хотя в любом случае ничего бы мне не сказала на столь наглое вторжение. Ведь она не могла меня видеть. Компьютер был включён, но погружен в спящий режим. Интересно, могу ли я подёргать мышкой? Попробовала – безрезультатно. Нечестно! Я ведь могу сидеть на стуле, опираться на некоторые предметы, чёрт, да просто стоять на полу! Почему же я не могу коснуться чего-то? Такой незначительности, как компьютерная мышка. Или такой ценности, как мамино плечо.

Ладно. Попробую выяснить без рук. Глаза перескакивали с одного документа на другой, но попадались одни только журналы перевязок, приёма и передачи дежурств и кварцевания палат. Эта медсестра была на удивление организована и чистоплотна. Помимо этих раскрытых книжонок – ничего. Пышущий здоровьем, в отличие от некоторых пациентов, цветов с широкими листьями, подставка для канцелярских принадлежностей и кружка кофе, которая пахла совсем не той похлёбкой из автомата, а вполне себе прилично. Мне даже захотелось сделать глоточек. Разве бестельная душа способна на подобные желания?

А я даже не могу коснуться этой чашки, не говоря уже о том, чтобы почувствовать этот знакомый, соблазнительный вкус! Я попыталась взять её за ручку. Пальцы прошли сквозь. Попыталась снова, но лишь махала, словно ловила невидимых мух. Меня пробрала такая злость. От всего происходящего. Уж лучше умереть прямо там, на месте, чем торчать вот так, на перепутье, не в силах даже взять кружку с кофе.

– Дьявол! – Заорала я и махнула рукой по кружке, прекрасно зная, что та останется стоять на месте.

Но рука врезалась во что-то твёрдое. Кожа почувствовала гладкую поверхность керамики, а ещё тепло. Кружка отфутболилась дальше по столу, врезалась в клавиатуру, в мышку и, расплёскиваясь коричневыми фонтанами, описала внушительную траекторию и приземлилась у входа в помещение для персонала. Наделала луж и грохота, но не разбилась.

Пару голов обернулись на шум, а из двери выглянула та самая хозяйка стойки и кружки. – Что за чертовщина? – Пробормотала она, оглядывая место происшествия. – Вот ведь люди! – Запричитала она, поднимая кружку и осматривая журналы. Буквы на страницах подумались и напоминали затонувшие кораблики в водах грязного моря. – Всего на минуту отошла!

Ничего себе! Я сумела! Я откинула кружку! Значит, я могу двигать предметы и... наверняка касаться людей. Мне стало стыдно за то, что я натворила и расстроила эту бедную женщину. Мне отчаянно захотелось утешить её, положить руку на плечо и извиниться. А заодно проверить, почувствует ли она моё касание, моё присутствие. Я даже потянулась, но не смогла. Если я трону её за плечо, она с ума сойдёт от страха. Я сделаю только хуже. Как бы ни хотелось узнать, могу ли я так общаться с теми, кто остался в настоящем – главное, с мамой – я не вправе сводить их с ума.

Я опустила руку, и тут же заметила, что монитор загорелся. Видно, всё из-за удара кружки о мышь. На экране виднелась панель рабочего стола с множеством иконок. Но главное в другом. Фоном стояла синяя заставка с логотипом больницы. Как всё просто! Мы с Хейли и правда угодили в больницу Йель Мемориал. Я чуть не заплакала на месте. Жалкий танец маленькой победы. Это сущие пустяки в проекции всех наших с Хейли проблем, но я делала хоть что-то.

А если я могу швыряться кружками, значит, смогу и зайти в базу больницы и отыскать свою карту. Узнать наконец, какие увечья угрожают моей жизни. Из-за чего моя душа застряла в этом адском месте.

Дождавшись, пока медсестра протрёт лужицу на полу, промокнёт салфетками успевшие стать волнистыми листы журналов и уйдёт к себе в комнату, я подошла к компьютеру. Не стоило шокировать её ещё больше тем, что мышка начнёт ездить по столу, а клавиатура сама печатать. Я выдохнула и тронула мышку.

Но рука снова прошла сквозь. Я не почувствовала ни бездушной пластмассы, ни очертаний предмета. Только выхлоп воздуха, что пронёсся сквозь пальцы. Чёрт, что за издевательство? Я ведь всего две минуты назад так хорошо справилась с тем, чтобы лапать предметы и устраивать кофейные потопа. Почему сейчас не могу?

После пяти неудачных попыток, я решила уйти ни с чем. Похоже, сегодня я не узнаю, какие травмы получила. Я медленно пошла по коридору к выходу из отделения, размышляя, что делать дальше, как вдруг остановилась. Кое-что попало мне на глаза. Врач в щёлке открытой двери. Он зашёл в палату и взял клипборд из ячейки в ногах кровати. Точно! Как я могла упустить это из виду? Полночи просидела около своей постели и даже не удосужилась обратить внимание на планшет. Ведь все истории болезни пациентов хранятся в ячейках у изножья койки. Моя наверняка там же!

Меня так воодушевила эта блестящая – ну, пусть и не такая блестящая – догадка, что я со всех ног помчалась назад, в отделение кардиологии. Старалась держаться подальше от прохожих. Мало ли фишка с кружкой повторится. И тогда я вмажусь в кого-то на полном ходу, толкну или сделаю больно. Наверняка напугаю до одури, а мне не хотелось стать тем страшным призраком, что пугает и калечит людей.

Дверь в мою палату оказалась закрытой. Попробовать перемахнуть сквозь бетонную стену или войти как цивилизованный человек? Похоже, придётся шастать через стены, потому что мой трюк снова не работал. Дверная ручка никак не хотела оказываться в моей руке. Ладно. Надо попробовать телепортироваться или трансгрессировать в духе Гарри Поттера, как там это называется?

Я тронула рукой стену и ничего не почувствовала. Словно щупала пустоту, окунала ногу в пропасть, касалась воздуха. А потом шагнула... и очутилась прямо в своей палате.

Монитор приветственно запищал в своём привычном ритме. Я бы захохотала от непередаваемых ощущений – я прошла сквозь стену! – но тут снова столкнулась с реальностью.

В лице собственного тела, покоящегося на больничной койке, с бинтами поверх плосковатой груди и с безразличным выражением лица. Глаза закрыты, но я не спала, а лишь притворялась спящей. Ведь настоящая я здесь.

Та добродушная медсестра добросовестно исполняла обещание, что дала моей маме. Ни на сантиметр не сдвинулась с места, где я её оставила, услышав крик Хейли. Она всю ночь бегала из палаты в палату, забывая перекусить или сходить в туалет. Ей бы сейчас отдыхать дома, а не клевать носом у моей постели. Почему я всё время испытываю стыд? Словно привязала Хейзел к стулу и насильно заставила составлять мне компанию.

Она давно выпустила мою руку из своей и склонилась над койкой в полудрёме. Веки подрагивали, но уши, я уверена, следили за каждым пиканьем монитора, чтобы в любой момент вскочить и затрубить тревогу, если вдруг моё сердце начнёт выписывать нездоровые пируэты. Это даже хорошо. Если удастся заполучить историю болезни, не хотелось бы, чтобы Хейзел потеряла рассудок при виде летающего планшета.

А вот и он. Такой же планшет с историей болезни, как тот, что я видела пару минут назад, прямо перед моим забегом. Теперь главное сконцентрироваться. Всю силу пустить в пальцы. Я стала твердить сама себе, что у меня всё получится. Что я смогу почувствовать бумагу в руках, как и кружку с кофе.

Те секунды, за которые моя рука тянулась к истории болезни, оказались такими же волнительными, как и те, когда я осознала, что нахожусь вне тела. Будто меня засунули в чан с ледяной водой. Я сомкнула пальцы и...

Не может быть! Я держу его. Держу планшет с записями врача. Хейзел дёрнулась, и от неожиданности я чуть не выронила его на пол. Что бы она увидела, открыв глаза? Летающую историю болезни? В лучшем случае, поверит, что это просто сон. В худшем – расскажет об этом магическом происшествии всей больнице, и её сочтут сумасшедшей. Но медсестра продолжала себе дремать, так что у меня было несколько минут.

Я аккуратно вытянула планшет из ячейки и заглянула в него.

Имя пациента: Теодора Мария Раморе

Дата рождения: 28 сентября 2006

Возраст: 17 лет

Имя лечащего врача: Анжелика Лэнг. Ну, это я уже знала. Так, адрес, дата поступления, все эти маловажные мелочи. А вот и то, что нужно. Не хотелось бы увидеть что-то вроде «безнадёжный случай», «недолго ей осталось», и моё сердце слегка зачастило. И тут же... кривая на мониторе побежала чуть быстрее. Писк ускорился. Я оторвалась от записей врача, призывая этот бесчувственный кусок железа заткнуться и не выдавать меня медсестре Хейзел. Я сделал два глубоких вдоха. Фух. Сердечный ритм восстановился.

Обладеть можно! То есть... мы всё ещё связаны с нашими телами. Все те эмоции, что мы с Хейли испытываем в этом измерении, передаются и нашим оболочкам. Страх или волнение, которые колеблют наши сердца, посылают эти колебания мониторам. Вроде бы хорошая новость, правда?

Ладно, пока Хейзел не проснулась, нужно наконец узнать правду. Насколько плачевно моё состояние.

Я заглянула в графу диагнозов и ужаснулась, но постаралась не беспокоить сердце, чтобы снова не запустить сигнал «сос» датчикам. Итак, подсчитаем количество моих травм. Перелом левой ноги – это видно и без истории болезни. Травма грудной клетки, которая повлекла за собой перелом двух рёбер, тампонаду сердца, пневмоторакс.

К концу этого удручающего списка я перестала что-либо замечать. Разборчивый почерк доктора Лэнг подробно расписывал курс лечения, назначенные диагностические процедуры и названия лекарств, которые мне давали, но я не стала читать. Мне стало страшно. Так страшно, что я больше не могла контролировать своё сердце.

Его стук походил на бой барабанов какого-нибудь одичалого африканского племени. Кардиомонитор тут же отозвался и стал пищать в унисон с этим боем. Хейзел подскочила, будто её в пятую точку ужалила пчела, и тут же уставилась на мои показания. Я утратила концентрацию, и пальцы снова перестали ощущать бумагу. Планшет выпал из рук и смачно шлёпнулся о плиточный пол, шуганув и без того напуганную медсестру ещё сильнее.

– О, Господи! – Взвизгнула она, схватившись за своё сердце. Подключи нас обеих к аппаратуре, мы бы исполнили настоящую симфонию напуганных сердец.

Я всегда считала себя человеком отзывчивым. Старалась делать людям добро и, по возможности, отодвигала собственные переживания куда подальше. Но сейчас... Я могла думать только о себе, как последняя эгоистка. Сойдёт ли за оправдание тот факт, что я могу не выкарабкаться? Не пережить это утро? Не выйти из комы?

А что, если я так и не найду пути назад? Тогда моя душа застрянет здесь навечно.

Хейли

– Пожалуйста, мамочка... Прошу тебя, услышь меня.

Я талдычила одно и то же уже... сколько? Несколько минут или часов? Как только Тедди ушла, выскочила из палаты, как из клетки со змеями, я не могла пошевелиться. В голове заварились такая каша, что её во век не расхлебать, сколько не черпай ложкой. Я успела перемерять палату шагами вдоль и поперёк и забыть, сколько шагов вышло. А пока ходила, мой пульс принимался слегка ускоряться от переживаний, но вместе с душевными скоростными гонками заводилось и моё сердце, запускало кривые на мониторе с удвоенной скоростью, и приходилось брать себя в руки, чтобы не созвать вокруг себя очередную команду по спасению.

На третьем скачке показателей я кое-как обуздала собственное сердце. Мне удавалось договориться с ним и даже в этой ужасной ситуации я дышала ровно, а оно билось размеренно. Подобные выходы поугубили моих родителей так, что они стали шарахаться от малейшего звука. Мама так и не выпила свой ужасный кофе и расплескала его по полу, когда на форточку приземлилась птица и чирикнула. Так резко и громко, что маме уже предвиделась моя кончина. Она решила, будто этот чирик – последний писк монитора перед тем, как прямая сердца уже никогда не стрельнет зигзагом.

Казалось, что всё это – и объятие Тедди, и визит птицы – случилось так давно. А может, и вовсе в другой жизни. Жизнь... Тедди лишила меня её, отобрала всё. Сначала семью, потом любовь, а теперь вот и жизнь. Но как бы я ни злилась на неё, в чём бы ни винила, без неё было так одиноко. Потому что мама уже битый час молчала и смотрела сквозь меня. На тело на кровати. Уж не знаю, кто из нас двоих больше походил на овощ.

Моё тело успели свозить куда-то и вернуть на место. Жутко, что теперь моё место здесь. Я же боялась высунуть нос из палаты и сидела в своём углу, словно прикованная цепями узница. Удивительно, как долго мама могла сидеть без движения. Как будто ей кто-то сказал, что с минуты на минуту я очнусь, и она выжидала ту самую минуту. Но папа так не мог. Он то ходил по палате, то куда-то выходил, то возвращался и печатал что-то в телефоне.

– Мамочка, посмотри на меня. Это я, Хейли. Я здесь... – Нежно приговаривала я.

– Мама, я тут, слышишь? Почему же ты не слышишь меня? – Чуть громче, чуть нетерпимее, чуть напуганнее вопрошала я.

– Да отзовись же ты! Алло! Ты мне нужна! Нужна, слышишь?! – Размахивала я руками перед её лицом.

Но казалось, её лицо спрятано за непроницаемой оболочкой, куда не проникают ни звуки, ни колебания воздуха, ничего. К пятому такому монологу я выдохлась и опустилась на пол в углу палаты. Поджала колени к груди и зарылась в них лицом. В детстве мне казалось, что, раз я не вижу, значит, я тоже невидима для остальных, поэтому всегда пряталась в таком «домике» и проигрывала в прятки. Столько лет спустя этот супергеройский навык наконец заработал. Правда, я видела всех, но никто не видел меня. Невидимка. Заблудшая душа.

Я тихо плакала в своём углу. Всё, на что я гожусь. Всегда была слабачкой, привыкла, что другие решают проблемы за меня. Мама, папа, даже Дилан... и Тедди. Джейк. Все они брали на себя роли моих нянек и по сей день отлично с этим справлялись. Сейчас же я чувствовала себя брошенной посреди открытого океана, и акулы уже кружили вокруг, а никто из них не мог бросить мне лестницу, чтобы я выбралась по ней на борт какого-нибудь корабля. И руки мои слабели от барахтанья, так что, когда я потону или пойду на корм акулам, – лишь вопрос времени.

Тедди наверняка там пытается найти какое-то спасительное решение. Она всегда была такой. Сильным звеном в нашей короткой цепочке. Её ничего не могло выбить из колеи. Как в тот раз, когда мы переходили широкий перекрёсток на Ломбард-стрит и слышали визг шин.

Прямо на нас мчалась вилиющая машина и не думала останавливаться. Я не придумала ничего получше, как застыть и уставиться в лицо смерти. Но только не Тедди. Она не думала, а если и думала, то её мысли опережали события на несколько минут. Она просто вытолкнула меня с полосы и отпрыгнула сама, и в следующую же секунду ненормальный пронёсся мимо. Из салона вырывались басы и жёсткий рэп, а сам он не остановился узнать, как мы, а просто понёсся дальше. Его, кстати, словили и потом показывали по всем новостным каналам. Парень просто обкурился и не разбирал, где реальность, а где вымысел. Прямо как я сейчас.

Подруга – теперь уже бывшая – выручала меня ни один и не два раза, а всё потому, что не давала своей крови забурлить от страха. Когда нам было лет по двенадцать, и мы возвращались домой из магазина с полными сумками вредностей – куда же девичник без шоколада, попкорна и девчачьих фильмов? – как к нам пристала собака. Здоровенный пёс, в чьей пасти поместилась бы вся моя голова, пожелай он полакомиться чем-то более экзотичным, чем сухой корм. На нём был ошейник, поводок тянулся следом, но хозяина поблизости не оказалось. Сначала пёс просто рычал и поглядывал на наши пакеты, а затем стал лаять и кидаться, причём мои кремовые бисквиты «Твинки» и крекеры-кролики «Энни» приглянулись ему больше, потому что зверь намеревался растерзать именно мои пакеты на мелкие кусочки. И меня заодно. Но Тедди не дала меня в обиду. Она принялась рычать в ответ, точно ротвейлер, сорвавшийся с цепи. Размахивала своими покупками, на которые спустила последние карманные деньги, как центрифугой. Пёс опешил от такой реакции и стал отступать. Ну а когда в него полетели коробки с печеньем и бутылки с газировкой, решил, что никакие вкусности не стоят ему жизни.

Но был случай, который запомнился мне больше других. Когда мы повели Дэнни на детскую площадку в парк Бивер Понд. На летних каникулах между седьмым и восьмым классом, когда наша семья впервые за долгое время никуда не собиралась уезжать. Дерек Гордон, папин непосредственный начальник и полный кретин, не давал папе продохнуть, не говоря же о том, чтобы отпустить на пару недель на Гавайи или во Флориду, куда мы обычно любили ездить летом. Поэтому я скучала с Тедди и взяла на себя обязательство развлекать Дэнни любыми возможными способами.

В тот день он захотел на площадку в Бивер Понд. Там только-только установили новые горки, а ещё канатный городок в виде большого пиратского корабля. Стиви, приятель Дэнни из группы и невыносимый задавака, все уши прожужжал моему младшему братишке, и тот, будучи самым ангельским ребёнком на свете, выносил нам с Тедди мозги, лишь бы мы сходили на этот пиратский корабль. Выбора не оставалось: или отвести Дэнни, куда он захочет, и париться под солнцем, или застрять в четырёх стенах и мучиться от скуки и его истерик.

Мы выбрали первое и потащились по пеклу в Бивер Понд. Мы с Тедди устроились на скамеечки в тени каштана, издали наблюдали за моим маленьким пиратом, но по большей части оживлённо обсуждали Брук и Челси, и их очередные выходки. Все эти девчачьи штучки – в четырнадцать лет нет катастрофы хуже, чем одноклассница, которая строит из себя королеву и охмуряет мальчика, который тебе нравится. В те времена никакого Джейка не было и в помине, и я млела по Джексону Бентли, что учился классом старше.

Я как раз жаловалась Тедди на то, что Брук тоже положила на него глаз. А когда-то мы вместе сидели на уроках рисования, обменивались ссбойками из контейнеров в столовой и хотели попасть в группу поддержки. А потом случилась Тедди, и все эти общие мечты стёрлись. Брук меня возненавидела и хотела отобрать всё, что принадлежало мне прежде. И даже то, что не принадлежало, вроде Джексона Бентли. И в тот момент, когда я придумывала колкие эпитеты в её адрес, мы слышали глухой хлопок, детский визг десятков голосов и какой-то ажиотаж. Я обернулась и потеряла дар речи. Забыла и о Брук, и о Джексоне, да обо всём на свете.

Мой пятилетний братишка лежал в песке и хватался за грудь. Вокруг клубилась пыль от падения и стайка ребятишек – кто хныкал, кто таращился во все глаза, кто ухмылялся, не

успев сообразить, что Дэнни не просто свалился с верёвочного мостика, а изо всех сил боролся за жизнь.

Ноги сорвались с места быстрее, чем у спринтеров после выстрела сигнального пистолета. Со всех сторон уже сбегались другие мамы и няни – посмотреть, покрихтеть и порадоваться, что беда случилась не с их чадами.

Мне было девять, когда Дэнни родился, и мне так нравилось быть старшей сестрой. Мне было двенадцать, когда Дэнни поставили диагноз – астма, и мне так нравилось чувствовать ответственность за него. Но это легко, когда приступ случается раз в несколько месяцев, и его можно предсказать, а в кармане всегда лежит полный баллончик. Но всё случилось так быстро... То ли от удара, то ли от страха Дэнни стал задыхаться. Он лежал в песке, мой крошечный младший брат, за которого я взяла ответственность, и не мог втянуть воздух в свои крошечные лёгкие.

А я застыла. Добежала до места происшествия раньше Тедди – она всегда медлила из-за лишнего веса – но просто замерла у ног брата и не могла пошевелиться.

– Это ваш брат? – Спрашивали меня голоса.

– У него приступ?

– Что же вы стоите?

– Может, вызвать скорую?

Не страх, а паника – вот самое предательское чувство. Страх даёт нам крылья, паника – лишает способности здраво мыслить и действовать. Я слышала, как Тедди дважды позвала меня и спросила про ингалятор, но не смогла ответить. Стояла и смотрела, как мой брат задыхается.

Тогда Тедди отобрала у меня ответственность и взвалила на свои плечи. Велела всем отойти подальше, чтобы не перекрывать доступ к воздуху. Залезла в мою сумку и перерыла её вверх дном.

– Его нет! – Закричала она. – Хейли, ты брала ингалятор?

В тот день я так спешила выпроводить Дэнни из дома, лишь бы не слышать его нытья, что забыла захватить с собой самое важное. То, что могло бы спасти его, начнись у него подобный приступ. Но я прихватила кое-что другое, что могло его спасти. Тедди. Когда выяснилось, что у Дэнни астма, она перечитала кучу книг, чтобы знать, как действовать в чрезвычайных ситуациях. Я лишь посмеивалась над ней, но после этого случая не смеялась никогда.

– Так, кто-нибудь, вызовите скорую! – Скомандовала Тедди, и мамы на двадцать лет старше её безоговорочно подчинились.

Тедди присела рядом с Дэнни и стала ласково с ним говорить. Она действовала по строгому алгоритму и справлялась просто блестяще.

– Милый, не волнуйся, всё будет хорошо. Ты только не паникуй, это всего лишь небольшой испуг и всё. – Она гладила моего брата по волосам, в которых застряли песчинки. – Теперь нужно, чтобы ты сел, вот так, молодец. Дыши глубоко вместе со мной.

И она стала делать глубокие вдохи, вбирая в себя весь кислород игровой площадки. Дэнни заметно успокоился и стал повторять. Приступ не проходил, но он хотя бы не так сильно задыхался.

– Да ты просто умница, Дэнни!

Через пару минут послышалась сирена скорой, и всё это время я стояла среди зевак, пока моя подруга спасала брата. Очнувшись я уже в больнице, куда прибежала мама. Я думала, она станет винить меня во всём, что не усмотрела, не помогла, не защитила младшего брата. Но она лишь обняла меня и сказала:

– Всё хорошо. Я так счастлива, что с вами всё в порядке.

Тедди тоже получила свою порцию объятий – она была почётным членом нашего семейства, пусть её мама была против, да и мой отец как-то холодно относился к тому, что девчонка

из окна напротив постоянно торчит в нашем доме. Но его часто не было дома, поэтому этой холодности почти не ощущалось.

Я и Тедди – воздушный змей и ветер. Один не полетит без другого. Она была частью моей семьи целых десять лет, но подула слишком сильно и размозжила меня о скалы. Мы отдалились за этот год, но я и подумать не могла, что из-за *этого*. Её тайну хранил дневник в верхней шухлядке письменного стола, и, если бы не случайность, я бы никогда не узнала о её предательстве.

Я была так зла, так обижена на неё, но мне так её не хватало. Той Тедди, какой она была до всего этого. До аварии, до моего предыдущего дня рождения, до Джейка...

– Мистер и миссис Морган. – В палате снова появился тот высокий, худой человечек в докторском халате, наверное, единственный на всём свете, кого белый цвет вытягивал в ещё более тонкую линию. – Простите, что вам пришлось ждать.

Доктор Макклири обогнул постель и заглянул в мою медицинскую карту, припрятанную в основании кровати. Пусть он не выделялся на фоне белых стен, не выглядел авторитетно и вообще вызывал насмешливую улыбку, папа отложил телефон, а мама наконец вышла из транса. Вот на что способен белый халат и писулька с пометкой «доктор».

– Что вы выяснили? – Опасливо спросила мама, хватаясь за отца.

Врач вздохнул, и я обмякла. Такие вздохи ни к чему хорошему не приводят.

– МРТ показало скопление жидкости во внутричерепном пространстве. Такое случается при таких серьёзных травмах головы, как у Хейли. Отёк пока слабый, мы будем отслеживать его и попутно постараемся вывести лишнюю жидкость с помощью диуретиков. Это снизит внутричерепное давление.

Мама внимала каждому его слову, пока отец поглаживал её нежную руку своей – шершавой. Вот бы почувствовать то же самое, что и она. Его силу и поддержку. Грубую кожу и теплоту. Но я чувствовала лишь холод и страх.

– Как только отёк спадёт, ваша дочь вполне возможно сможет дышать самостоятельно, и мы уберём трубку. Но пока... – Доктор Макклири снова вздохнул, как человек, уставший сражаться с болезнями и всем миром. – Для поддержания перфузии мозга и предотвращения ишемии, мы будем давать Хейли сосудорасширяющие препараты. Сульфат магния и раствор глюкозы помогут нормализовать мозговую деятельность. Медсестра будет постоянно наблюдать за ней. Проводить мониторинг жизненных показателей. Давление, частота дыхания, пульс, уровень сознания и реакция зрачков.

Родители стойко выслушали всю эту медицинскую дребедень, из которой я вынесла самое важное. У меня серьёзно повреждена голова, в мозгу скапливается лишняя жидкость, из-за которой я не могу дышать, как нормальный человек. Вот почему изо рта торчала эта мерзкая штуковина, что превращала меня в монстра.

Но папу не устроило то, что он услышал.

– Но вы не сказали главного... Какой прогноз? Когда моя девочка очнётся?

Мы втроём одновременно взглянули на доктора.

– Сложно сказать на данном этапе. Хейли очень повезло, но пока рано говорить о сроках. Она может оставаться без сознания несколько часов, а может несколько дней или даже недель. Сейчас самое важное – снять отёк.

– То есть... – Почти зашептала мама. – Нам придётся только ждать? Сидеть и ждать, пока сработают таблетки?

– Это всё, что мы можем.

– А если они не сработают? – Всхлипнула мама, и папа сильнее сжал её руку. Никогда не видела её такой несчастной, сбитой с толку, неживой. Мне стало неважно, что там ответит доктор Макклири, что станет со мной, лишь бы мама снова стала собой. Красивой, румяной,

весёлой. Я протянула руку к ней, но побоялась дотрагиваться. В прошлый раз не получилось, но мало ли...

– Мы сделаем всё возможное, чтобы помочь Хейли. – Уверенно сказал доктор Макклири, но тут же снова вздохнул и напомнил, что он не всемогущ. – Но если все наши меры не помогут, придётся проводить хирургическое вмешательство. Дренаж жидкости из желудочков головного мозга – экстренный...

Увидев, как побледнела моя мама от слова «хирургический», он замолчал и слабо улыбнулся:

– Но всему своё время. Пока мы будем действовать поэтапно и надеяться на лучшее.

Надеяться на лучшее. Неплохой план, да? Вот только сложно надеяться на лучшее, когда у тебя черепно-мозговая травма, отёк мозга и туманные перспективы. Когда твоя мама бледна, как сама смерть, а отец чувствует себя бесполезным, наверное, впервые в жизни. И уж тем более, когда ты смотришь на всё это из потустороннего мира.

А ещё, когда твоя подруга целый год врала тебе и чуть не угробила. Но она оставалась единственной ниточкой, что связывала меня с самой собой. С жизнью.

К противному, но уже привычному писку аппаратуры пристроился гудок папиного телефона.

– Извините. Я отойду.

Папа высвободился из маминой хватки, взглянул на экран мобильного и поспешил покинуть палату. Мне тоже захотелось выйти. Впервые за всё то время, что я бездумно провела в палате, мне срочно понадобилось вырваться из неё. Как птица вырывается из клетки. Вот только как далеко я смогу улететь, когда мне подрезали крылья?

Я поспешила за папой, чтобы проскользнуть в дверь. Мало ли самой мне не выйти из комнаты? Я ведь не могу дотрагиваться до людей, может, и дверные ручки не могу поворачивать?

Но папа так резко шмыгнул наружу, что я не успела выйти за ним следом и лишь заметила, как дверь движется мне навстречу. Будь я тем телом, что сейчас лежало на койке, меня бы смачно долбануло по лбу. Обзавелась бы второй черепно-мозговой. Но я была чем-то вроде облака воздуха. И дверь просто прошла сквозь меня и захлопнулась. А я очутилась в коридоре.

Папа отошёл в сторону, в безлюдный пятак с окном, где ему точно никто не помешал бы. Я собиралась пойти в другую сторону, осмотреться, побродить, побыть вдали от самой себя, но что-то меня остановило. Выражение лица папы встревожило меня. Он сжал губы так сильно, что кожа вокруг побелела. Никогда не видела, чтобы папины руки тряслись, а теперь они прямо скакали, когда он подносил телефон к уху и поправлял волосы. Сегодня они не уложены как обычно, на папе не костюм-тройка как обычно, и он сам не свой. Не как обычно. Ведь он глава отдела корпоративной ответственности. Уж не представляю, что это значит, но думаю, он привык разбираться со стрессом и с эмоциями. Но сейчас эмоции владели им.

Поэтому я не пошла на больничный променад, а свернула к окну вслед за ним. Я не успела заметить на экране имя звонившего – папа уже прислонил телефон к уху и произнёс:

– Слушаю.

Я стояла так близко к отцу, как только могла, чтобы случайно всё же не коснуться его, не напугать до обморока. Всматривалась в его лицо и вслушивалась в то, что говорит собеседник. Но слышала лишь гул голоса. По звучанию – мужской, но что говорит – не разобрать.

Папа сглотнул и произнёс в трубку:

– Да, сержант Шеффилд.

Сержант? С каких пор папа дружит с полицией? Бормотание на том конце. Молчание отца. Я всматривалась в его лицо, но видела лишь бледную копию своего папочки. Испуганного, потерянного, ошарашенного. Он мог решить любые вопросы, связанные с финансами,

«Ллойд Кэпитал», страхованием, оплатой счетов, устройством механики, строительством. Но он не знал, как справиться с тем, что его дочь может не очнуться.

– Вы уверены? – Спросил отец, и я стала вслушиваться в десять раз сильнее, но всё тщетно. – Мгм. Мгм. Господи. Вы знаете, кто это мог быть?

Что происходит? Почему какой-то полицейский звонит моему отцу и доводит чуть ли не до инфаркта? Это по поводу аварии, не иначе. Но при чём здесь полиция? Страховая, ремонтная мастерская, в конце концов. Хотя виновата и Тедди – она сидела за рулём – но у её мамы не будет столько денег, чтобы восстановить «мустанг» Джейка, а мой отец слишком добр, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Чтобы измерять наши жизни деньгами.

– Но кому вообще могло понадобиться такое? Они ведь всего лишь подростки! – Папа выдохнул весь кислород из лёгких и потёр глаза. – Боже, нет... Я не знаю, кому это выгодно. Не было у моей дочери врагов! Извините, я... весь на взводе. Понимаю, это ваша работа. Нет, я не знаю, где Джейк.

Врагов? Коп спрашивал отца, хотел ли кто-то причинить мне вред? Это ведь несчастный случай! Ошибка Тедди, стечение обстоятельств, кара небесная, да что угодно, но не то, о чём твердил этот полицейский.

И Джейк... почему его разыскивали?

– Лучше я сам с ней поговорю. – Продолжал отец, глядя в окно, но ничего не видя. – Кейт очень переживает за Хейли и разговор с полицией может лишь ещё больше её взволновать. Но я спрошу... Да. Спасибо вам. Держите меня в курсе.

Папа сбросил вызов и заплакал. Тихо, почти беззвучно. Закрывшись ладонями от всего мира. Моё сердце сжалось – наверняка, монитор уловил это ёканье. Но мне было плевать. Мой герой плакал от того, что не мог ничего поделать, а я даже не могла обнять его и сказать, что всё будет хорошо. Ведь я не могла этого знать.

Меня разрывало на куски при виде рыдающего отца, но, как и в тот раз с приступом Дэнни, я просто стояла и смотрела на него. Полицейский не верил, что авария – несчастный случай. Он расспрашивал папу про моих врагов. Бог мой! Неужели всё это взаправду?! Я только училась мириться с тем, что гуляю себе вдали от тела, а тут ещё узнаю, что меня хотели убить! Нет, быть не может. Копам просто надо всё проверить. Но мало ли...

Моё сердце заколотило о рёбра и откуда-то из коридора, откуда мы с папой пришли сюда, раздался мамин зов. Наверняка аппаратура, подключенная к моему бесчувственному телу, опять пляшет и вырисовывает резкие зигзаги на экране. Но я больше не вернусь в палату. Хотя в первый раз в жизни пора взять себя и свою жизнь в собственные руки. Если я умру – сегодня, завтра, через месяц – то я хотя бы умру с чистым сердцем.

Я ошибалась. Боже, как же я ошибалась. Тедди может быть не виновата в аварии и моей коме. Если тот сержант не выдумывал, то она не виновата ни в чём. Кроме предательства. Но это сейчас не так важно.

Нужно найти Тедди.

А потом того, кто пытался столкнуть нас с моста.

Тедди

Это произошло само собой. Я просто закрыла глаза, пожелала вернуться домой и... я дома. Не знаешь, куда идти или что делать со своей жизнью – просто отправляйся домой.

Ещё недавно эти старые обои в прихожей и крошечная кухня всего с тремя шкафчиками и плитой на две конфорки вызывали у меня лишь раздражение. Гараж с постоянно заедающей дверью. Моя спальня – девять на десять – куда умещалась всего лишь односпальная кровать, стол да шкаф для моих немногочисленных нарядов. К той узкой полке с книгами прибавилось ещё две – за эти годы я всё же расширила свою коллекцию, хоть чаще всего и брала книги в библиотеке.

Из окна открывался вид на спальню Хейли – ежедневное напоминание о том, что у соседей трава зеленее. С тех детских лет моя спальня всё же немного изменилась и обзавелась своим характером. Целый месяц я умоляла маму перекрасить стены во что-то более стильное, чем детский оттенок розового, а ещё заменить занавески со звёздочками и вместо люстры-лампочки повесить что-то более современное. Но я всё ещё спала на той же кровати, что и в семь лет – ещё в пять лет мама купила её мне на вырост, чтобы не менять из года в год.

Ну а весь декор – или почти весь – подарки Хейли. Вернее, то, что ей уже было не нужно. Устаревшие, по её мнению, вазы из глины, засушенные цветки гипсофиллы радужных цветов, фарфоровые статуэтки-котики, которые рука не поднимется выбросить.

Вся эта обстановка угнетала. Раньше. Теперь же я по ней так скучала! Хотя не была дома всего часов двенадцать.

Открыв глаза в нашей гостиной, я чуть было не позвала маму, но вспомнила, что она не услышит. На втором этаже шумела вода – она принимала душ, смывала с себя запахи «Роско», больницы, горя. Мне так нужен твой совет, мамочка! Что же делать дальше?

В её спальне зазвонил мобильник. Вода тут же перестала шуметь, и послышался топот мокрых пяток по дереву. Я не стала пользоваться своей новой способностью и по привычке поднялась наверх по лестнице.

Капли стекали на старый ковёр, расстеленный перед маминой кроватью. Сама она даже не успела вытереться как следует, лишь замоталась в полотенце, и волосы змеями облепили её лицо. Мама включила громкую связь и принялась отжимать их другим полотенцем.

– Алло. – Сказала она в воздух.

Интересно, кто ей звонил? Может, из больницы? Хейзел решила сообщить о внезапных скачках моего сердечного ритма. Кто ещё мог звонить моей маме? Она была отшельницей и не видела ничего, кроме дома и картонок с меню. У неё было целых две работы и ни одной подруги. За все годы у неё никогда не появлялось мужчины, по крайней мере, она мне не рассказывала и не водила никого домой.

Но звонок был не из Йель Мемориал.

– Миссис Раморе?

Голос мужской, но совсем мне не знакомый. Слегка басистый, но при этом, не грубый. Полон вежливости и... извинений. Словно звонивший натворил что-то или только натворит.

Мама всегда исправляла других, если её называли «миссис». Она ведь никогда не была замужем, но голос незнакомца заставил её позабыть о подобных формальностях.

– Да, это я.

– Это сержант Шеффилд из полицейского участка Вустер Плейс.

Полиция?!

– Сержант Шеффилд? – Её голос задрожал. Она перестала вытираться после душа и опустилась на постель прямо в промокшем насквозь полотенце. – Чем... чем могу помочь?

– Я звоню вам по поводу аварии с участием вашей дочери и её подруги Хейли Морган.

Я была права! Свет фар, машина сзади, толчок в бампер. Не толчок – самый настоящий удар. Кто-то хотел, чтобы мы с Хейли разбились! Смялись в один железный шар вместе с «мустангом», слетели с моста, просто исчезли с лица земли! У него это почти получилось.

– Я не понимаю. – Мама не хотела верить тому, во что я уже поверила. – Какой интерес полиции до этой аварии? В больнице мне сказали, что это случайность. Девочки не справились с управлением...

– Боюсь, что у меня для вас плохие новости, миссис Раморе. – Как можно мягче возразил сержант Шеффилд, за что я была ему очень благодарна.

Джейку нередко приходилось иметь дело с полицейскими и, по его рассказам, их поведение оставляло желать лучшего. Но, как оказалось, не всему, что говорит Джейк, можно верить. Если бы этот мужчина проявлял такую же грубость, не знаю, как мама в одиночку бы со всем этим справилась. У неё не было надёжной опоры, вроде Чейза Моргана, который бы держал её за руку и шептал, что всё будет хорошо.

– Плохие новости?

– Да. Автомобиль, «мустанг», принадлежащий Джейку Монро, за рулём которого была ваша дочь, был отправлен на экспертизу.

Ничего себе! Я-то думала, что ту гармошку из железа и стекла, в которую превратился «мустанг», Джейк давно забрал себе и теперь рыдает над ней, как маленький мальчик. Едва ли что-то в этом мире было ему дороже этой машины и себя любимого. Жаль, что мы с Хейли поняли это так поздно.

Я заметила, как разволновалась мама, и закусила губу, чтобы не кинуться её обнимать. Вдруг получится, как с кружкой кофе?

– Экспертизу? – Дрожащим голосом спросила она пустоту. – Но на каком основании? Что-то в этом происшествии вам показалось подозрительным?

– Когда не удаётся до конца выяснить обстоятельства аварии, иногда мы прибегаем к более тщательному... изучению улик. Ваша дочь и её подруга врезались в ограждение на мосту и чудом остались живы. Это случилось в позднее время, поэтому нам не удалось отыскать никаких свидетелей.

– Но ведь шёл дождь... я думала, мокрая дорога и стала причиной аварии.

– Мы тоже так думали, если бы не одна деталь. Дождь практически уничтожил все следы, но кое-что всё-таки осталось. Перед тем, как врезаться в ограждение, ваша дочь резко затормозила...

Да, как только почувствовала пинок сзади и увидела, что отбойник слишком быстро несётся на нас.

– На асфальте остались еле заметные следы от протекторов «мустанга».

– Что же вам показалось странным? – Еле выдохнула мама.

– А то, что там остался след не одной машины.

Бог мой! Выходит, я опасалась не зря. Я не придумала ту машину – полиция нашла веские аргументы. Довольно странно радоваться в подобной ситуации, но я хотя бы знала, что не виновна в аварии. Слабое утешение, учитывая, что мы с Хейли валяемся в коме и ходим в потустороннем мире, но, я почувствовала себе легче килограмм на двадцать. Почти услышала, с каким грохотом камень падает с души.

Голос из динамика заговорил на всю комнату:

– След очень слабый. Но даже если бы мы сумели определить производителя, вряд ли бы нашли виновника происшествия. Однако экспертиза помогла определить кое-что ещё.

Наверняка медсестра Хейзел там сходит с ума от того, как поют датчики сердечного ритма, потому что сердце выпрыгивало у меня из груди, как кролики из шляпы фокусника.

– Вы знаете, кто это сделал? – Мамино сердце наверняка тоже куралесило под рёбрами, торчащими из-под кожи. В глазах – ужас, будто ей сообщили, что через пять минут планета взорвётся.

– К сожалению, мы не настолько всемогущи.

Вот чёрт. Я уж понадеялась...

– Нам бы очень облегчило задачу, если бы в машине был установлен видеорегистратор, нашёлся хоть один свидетель или авария попала в видимость камер наблюдения. Но на съезде на Уиллоу-стрит камер нет. Ближайшая – лишь на Джордж-стрит, но это в четырёх милях. Всё, что нам удалось найти по искорёженным обломкам – это вмятину на заднем бампере и следы краски.

Мама прикрыла ладошкой рот.

– Красной краски. – Уточнил голос сержанта Шеффилда. – Скорее всего, машина, которая следовала за вашей дочерью и Хейли Морган, врезалась в них случайно и скрылась с места аварии. В любом случае, это преступление. – Полицейский замялся, словно подбирал нужные слова. – Понимаю, что мои вопросы могут напугать вас, но это стандартная процедура и я вынужден спросить... были ли у вашей дочери враги?

– В-враги? – Запнулась мама, даже не обратив внимания, что полицейский говорил обо мне в прошедшем времени. Словно я давно уже откинула коньки. А вот я заметила. И мне это не понравилось.

– Да. Нам нужно исключить факт покушения.

– О Господи!

И правда, о Господи! Покушение? Разве это ни какой-то случайный попутчик, который врезался в нас по чистой случайности и просто испугался ответственности? Я и не думала, что кто-то мог сделать подобное намеренно!

– Не волнуйтесь, миссис Раморе. Как я уже говорил, мы вынуждены задать эти вопросы.

– Нет! – Выпала мама громче, чем хотела. – Моя дочь добрая, порядочная девушка. Она хорошо учится и не ввязывается ни в какие плохие компании.

Другими словами, неудачница, мам.

– Она домоседка, и Хейли – её единственная подруга.

Вот теперь это звучало совсем жалко, но мама была права. В нашей парочке оторвой была Хейли, я – её балласт, вечно увешанный книгами. И мама не забыла припомнить и это.

– А вот Хейли...

– Да, миссис Раморе?

– Хейли всегда была довольно популярной девочкой. Все её знали, она со многими дружила. Не хочу наговаривать, но она любила всякие вечеринки и часто пыталась затащить туда мою дочь, но Тедди редко на них ходила.

Ох, мамочка, если бы ты знала всю правду. Даже в тот миг мы ехали на одну из тех вечеринок, куда таскала меня Хейли.

– Но... вы ведь не думаете, что это мог быть кто-то из школы или из компании?

– Мы проверяем все варианты, миссис Раморе.

– Тогда, думаю, вам лучше поговорить с родителями Хейли.

– Мы уже связывались с её отцом, Чейзом Морганом.

Имя отца Хейли ещё больше огорчило маму. Она совсем поникла. Такая хрупкая и беззащитная в своей худобе и этом несчастном махровом полотенце.

– А Джейк Монро... – Сержант пошелестел бумажками на фоне. – Владелец машины и, как я понимаю, молодой человек Хейли?

– Да, они встречаются уже... довольно долго.

Целый год. Двенадцать месяцев боли и тайн.

– Вы не знаете, какие у них были отношения?

– Нет, уж простите. С двумя работами я еле за своей дочерью успеваю следить, мне нет никакого дела до того, с кем там встречается соседская девчонка.

Как-то слишком грубо прозвучало из маминых уст. Во мне даже завертелся какой-то червяк обиды. Хотя мама всегда так реагировала на Морганов. Хотела защитить меня от всего мира.

– Может, вы знаете местонахождение Джейка Монро? Его машина оказалась втянута в ДТП, а мы не можем его разыскать.

– С этими вопросами, опять же, обращайтесь к Морганам.

– Ладно, миссис Раморе. – Похоже, полицейский на капли не обиделся на такую резкость. С таким у него было всё в порядке, может, и с пониманием? Ведь мама переживала не самый простой момент в своей жизни, которая и без того была тяжкой. – Если у меня ещё появятся вопросы, я вам позвоню.

Мама уже потянулась к телефону, чтобы нажать красную кнопку отбоя, но голос снова затрещал из динамика?

– И, миссис Раморе... Мне очень жаль вашу дочь. Обещаю, во что бы то ни стало, я отыщу того, кто это сделал.

Гудки зазвенели на всю спальню и напомнили писк монитора в палате, от которого мы обе сбежали. Мамина рука так и зависла над мобильником, словно невидимый барьер не подпускал её к экрану. Мама долго смотрела в никуда, а потом зашлась истерикой. Такой, какую я никогда не видела. Какую она никогда себе не позволяла.

Она упала на колени перед кроватью и била кулаками по матрасу, как по боксёрской груше. Из неё вырывались не просто крики, а вой. Дикие койоты издают нечто подобное, когда их кости разгрызают горные львы.

– Прости меня, Тедди! – Стонала она. – Прости! Прости! Моя девочка! Моя бедная девочка!

За стонами звучали всхлипы и почти скулёрж, что лезвием проходили по моим внутренностям. Мама убивалась из-за меня, а я ничего не могла поделать. Она не знала, что я здесь, и по неосмотрительности я не удержалась, подскочила к ней и коснулась плеча.

И на этот раз пальцы почувствовали тепло. Угловатые кости и плоть. Пульсацию жизни. Меня ошпарило. Но не меня одну. Мама тоже что-то почувствовала и вскочила на ноги. Обернулась, но никого не увидела.

– Я здесь, мамочка. – Теперь слёзы катились и по моим щекам, но она не могла их утереть. – Я здесь, я тебя слышу. Не плач, прошу тебя. Я поправлюсь.

Мама не могла слышать мой голос, но она перестала плакать и смотрела прямо мне в глаза. Но ничего не видела.

Это невозможно! Всё это... как такое можно пережить? Когда ты ни жив, ни мёртв. Когда ты не можешь коснуться любимого человека, поговорить с ним, почувствовать себя собой.

Незаконченное дело... Помочь сержанту Шеффилду отыскать виновника аварии. И тогда мы, быть может, вернёмся домой. Мне срочно нужно найти Хейли. Она может сколько угодно ненавидеть меня, но теперь мы связаны ещё сильнее.

Я тихо попрощалась с мамой и закрыла глаза. Представила себе палату Хейли в Йель Мемориал. И медленно их открыла.

Тогда

Хейли

Она была странной. Та девочка в окне. И оттого казалась ещё интересней.

– Теодора. – Сказала она, опуская глаза. Словно стыдилась собственного имени. – Но все зовут меня Тедди.

– Как медвежонка? Мне нравится. Звучит намного круче, чем Хейли.

– Скажи это мальчишкам из моего класса. – Насупилась моя новая знакомая. – Они постоянно дразнятся, ведь Тедди – мальчишеское имя.

– Потому что они дураки. Ты делаешь уроки?

– Математику. – Закатила глаза Тедди. – А у тебя что?

– Английский. Вам тоже задали сочинение про любимого героя?

– А, да, я уже давно всё написала. Но это вычитание и умножение слонов... бррр.

А она была забавной. Не такой зажатой, как казалась в школе.

Я часто обращала на неё внимание. Девчонка моего возраста, что играла за забором в соседнем дворе. Выходила в то же время и плелась за мамой. Мы постоянно сталкивались нос к носу, когда «менялись» кабинетами. География у миссис Хикс стояла у меня сразу же за классом Тедди. А сколько раз я видела её в окне. Такую одинокую и какую-то крошечную, хотя она была полнее всех моих подруг. Я даже слышала, как рыжий идиот из её класса обзывал её «жирной». А мне всегда хотелось подойти и отвесить ему подзатыльник. Заступиться за эту девочку из соседнего дома, просто потому, что больше никому было это сделать.

Тедди... Теперь я знала, как её зовут. Вернее, я и до этого знала. Расспрашивала маму, почему мы не дружим с соседями и можно ли мне пойти познакомиться с той девочкой из комнаты напротив?

– Её зовут Тедди, дорогая. И я бы хотела отпустить тебя к ним, но... Думаю, её мама будет против. – Отвечала она и тут же грустнела.

– Но почему?

– Кто знает. – Пожимала мама плечами, не желая делиться своими взрослыми догадками. – Иногда люди не хотят сближаться с другими. Не хотят, чтобы их границы нарушали.

– Но почему? – Не унималась я.

– Ты слишком любопытная, Хейли. – Улыбалась мама и трунькала меня по носу. – Однажды это выйдет тебе боком.

И как только мама сказала это, любопытство лишь усилилось. Словно вышло из спячки, как медведь, прососавший лапу в берлоге последние семь лет жизни. Теперь, когда мы выходили из домов в одно и то же время, я исподтишка разглядывала эту миссис Раморе, пыталась разгадать, что же с ней не так. Почему она так не хочет сближаться с людьми, как сказала мама.

Но ничего не могла обнаружить. Миссис Раморе так и оставалась для меня загадкой, которая ускоряет шаг, едва заметив нас на горизонте. Которая задёргивает шторы на кухне, когда там появляется кто-то из нашей семьи. Которая проходит мимо и притворяется, что не заметила нас, когда сталкивается с нами между стеллажами супермаркета «Си Таун».

Однако моё любопытство всё же помогло мне узнать кое-что о соседях Раморе. Пристальное наблюдение, чуточку удачи и никакого шпионажа. Не нужно было расспрашивать маму, чтобы понять о них три вещи.

Первая, они жили только вдвоём. Никаких отцов или братьев у той девочки из комнаты напротив не было. Ох и скучно же им приходилось! Я бы уж точно заскучала. Мы с мамой были не разлей вода и могли что угодно делать вместе – ну, как только она освобождалась от

своей важной работы. Но только папа веселил меня по-настоящему. Ну и Дилан... Когда он не превращался в суперботана, то мог быть забавным. Мы вместе обедали шоколадными батончиками и смотрели диснеевские мультики. Бывало, правда, он побеждал и отвоёвывал своё право на какую-нибудь невероятно скучную научную программу по «Дискавери», но всё же против мультиков он ничего против не имел.

Но только папа был той щепоткой соли, что идеально дополняло наше блюдо. Четвёртый и завершающий ингредиент рецепта «Морган», без которого оно было бы пресным или вовсе безвкусным. Он носил нас на руках – причём, каждого из нас. Неважно, кого подхватывать и подкидывать к потолку: меня, трусишку Дилана или маму. Для всемогущего папы она была пушинкой, не более. И смеялась в такие моменты так, как не смеялись даже дети на горках в Эджвуд парке.

А ещё он придумывал всякие безумные вещи. Мог спокойно сидеть с нами на диване, а потом спохватиться, как чихуахуа, и громко заявить:

– А не съездить ли нам в Вудмонт Бич? А ещё лучше в Нью-Йорк? Покататься на аттракционах или завалиться в зоопарк?

И даже если завтра нужно было в школу, мы запикивались в папину блестящую машину и мчались навстречу приключениям.

У девочки из дома напротив не было ни приключений, ни блестящей машины, ни папы. Даже шкафа с книжками не было. За семь лет я успела подсмотреть в её комнату, когда она забывала занавесить окно и уходила куда-то. Тогда я забиралась с ногами на подоконник, вцеплялась в окно и всовывала свой любопытный нос к ней в жизнь.

Её комнатка совсем не походила на мою. Диаметрическая противоположность. Астральное отражение. И это было моё во-вторых. Раморе были небогатыми. Я поняла это даже тогда, когда мне было всего семь. Но что там понимать? С капота и дверей их бледно-красной машины слезла краска, и она уже не блестела так ослепительно, как папина. Стены их крошки-дома испачкались так, словно какой-то великан разрисовал их тёмными кляксами. Иногда, когда никто не видел, я перевешивалась через подоконник и заглядывала в её спальню. Ничего общего с моей или со спальнями девочек из класса.

Она носила слишком большие или слишком маленькие вещи, словно кто-то махал волшебной палочкой и превращал её то в Великаншу, то в Дюймовочку. Хотя, Дюймовочкой она точно не была.

Рослая, широкоплечая и... немного в теле. Мама отлично меня вышколила в том, что нельзя обращать внимания на такие вещи и никогда не говорить о людях плохо, если они не вписываются в определение стандарта. Поэтому когда кто-то из мальчишек смеялся над её массивными ляжками и неповоротливостью, я хотела вмешаться, но что-то останавливало меня. Нет, совсем не трусость. Скорее, мамыны слова. Не все люди хотят, чтобы их границы нарушали. Кто-то ежедневно нарушал границы Тедди, вот я и не хотела быть одной из них.

Чаще всего мама Тедди куда-то убегала и пропадала до самого вечера, возвращалась, переодевала одну униформу на другую и снова свистела шинами своей ржавой машины. Тедди оставалась одна. И это было третье, что я знала о её семье.

В школе она всегда держалась особняком, как берёза, пустившая корни в хвойной роще. Я же часто ночевала у Брук или Челси, мы устраивали девичники у меня дома, а к ней никто не приходил. Тедди была ужасно одинока.

– Хочешь, я тебе помогу с математикой? – Предложила я, кивнув на её тетрадки. – А ты поможешь мне написать сочинение?

Мне так захотелось сделать хоть что-то ради Тедди. Ради девочки, которая живёт напротив. Её серые глаза засияли ярче звёздной проекции, которую включали в обсерватории Йельского университета, куда нас водили с месяц назад.

– Ты правда можешь помочь? – С надеждой спросила она.

– Конечно. Зачем ещё нужны друзья?
Стоило мне произнести это, и я тут же поняла: теперь мы навсегда связаны.

Тедди

Друзья... У меня никогда не было подруг. Вряд ли обмен фломастерами с Молли Сайлос или совместное чтение по ролям с Ребеккой Хорн на уроках мисс Джульярд считается такой уж дружбой. Но девочка из окна, которая теперь обрела имя, назвала меня своим другом. Вручила мне приглашение стать одной из избранных. Пропуск в мир, куда меня раньше не принимали.

– Приходи ко мне. – Весело предложила Хейли так, словно это самая обычная вещь на свете.

Для неё, может, так и было, но не для меня. Я ещё ни разу не была в гостях, и никто не заглядывал в гости к нам.

– Прости, но моя мама не разрешает мне выходить из дома, когда её нет.

– Она оставляет тебя совсем одну?

А так не должно быть? Её изумление пошатнуло какой-то мой внутренний уклад. Мне казалось, что все мамы так делают, если им приходится работать на двух работах, разве нет?

– Но так нельзя! – Голосом маленькой воспитательницы воскликнула Хейли. – Тебе ведь всего семь! Как и мне. Моя мама говорит, что мы с Диланом ещё слишком маленькие, чтобы оставаться без присмотра.

– Так вы с братом сейчас не одни?

– Нет. Наша няня Симона присматривает за нами, пока родители не вернутся с работы. Но она скучная. Почти всё время смотрит свои сериалы по телеку и не может вспомнить, куда засунула свои очки, так что совсем не помнит школьную программу. И мне приходится делать уроки одной.

Хейли оказалась такой болтушкой, но я ловила каждое её слово, как баскетбольное кольцо – мяч. Было что-то волшебное в том, что она разговаривала со мной, как с одной из своих школьных подруг. Я представляла её этаким злой ведьмой в миниатюре, которая задирала нос и обещает всех превратить в ледышки, но она оказалась такой... простой. Доброй и естественной. Лёгкой. Да, да, именно лёгкой. Как пёрышко, что ты сдуваешь, а оно взлетает ввысь и снова фланирует в руки.

– Если тебе нельзя к нам, давай я приду. – Не унималась Хейли, а я всё больше и больше чувствовала себя глупо.

– Вообще-то... мама не разрешает приводить гостей.

Зря я это сказала. Серые и без того большущие глаза Хейли выпучились. Буквально надулись, как рыба фугу. Мячики с эмблемой младшей школы Форрест, которые подкачивал наш физрук перед каждым занятием.

– К вам никто не приходит?!

– Не обижайся. Просто у мамы такое правило.

– Моя мама тоже любит правила. Например, мне нельзя идти играть, пока я не доделаю уроки. – Театрально закатила глаза Хейли. – Но даже она любит, если ко мне приходят друзья. Она не против гостей.

– Ну... у нас не бывает гостей.

А у меня не было друзей. Но распухшему от стыда языку сказать ещё и это уже просто не хватило сил. Я уж решила, что наша с Хейли дружба закончится ровно в том же месте, где и началась. Самая короткая дружба на свете. Но для Хейли не существовало преград. А если они грибами и вырастали на пути, то она с резвостью прыгуна с шестом перемахивала через них.

– Ну и ладно. – Она махнула рукой и забралась на подоконник вместе с книжкой по математике за второй класс. – Если тебе нельзя ко мне, а мне нельзя к тебе, то мы можем просто заняться уроками здесь.

Вот так просто Хейли Морган нашла лазейку в правилах и обустроила нам учебное место как раз на стыке юрисдикций наших мам. Мы сидели на подоконниках двух таких разных комнат, двух таких разных миров, и помогали друг другу. Между нашими окнами вырос незримый мост, как и между нашими жизнями – перекидывай ногу и иди.

Тот день стал для меня началом чего-то нового, необычного, почти сказочного. У меня появилась подруга! Благодаря Хейли все мои слоны сложились, а её сочинение из четырёх абзацев закончилось логической точкой. Закончив с уроками, мы болтали обо всём на свете. Вернее, больше болтала Хейли, я же позволяла ей болтать и наслаждалась звучанием нового голоса в своей комнате.

Мы были такими разными, но такими похожими. Как две снежинки в ледяном январе. Сотканы из одной материи, но в разных формах. Мы спорили, кто из «Мадагаскара» круче, Алекс или Марти. Обсуждали учителей, посмеивались над мистером Крю и предвкушали праздник на Хэллоуин, который через две недели готовили в актовом зале. Но крепче всего нас связала любовь к книгам. Хейли спрашивала меня о каких-то неизвестных мне героинях и, заметив моё замешательство, тут же спрыгнула с подоконника, сбегала к стеллажу и вернулась с одной из подопечных своей бесконечной коллекции.

– Вот. – Протянула она одну из самых красочных и красивых книг, которые я только держала в руках. – Эта моя любимая. Отдашь, как прочитаешь.

Уже вечером, когда родители Хейли вернулись домой, и она полная счастья убежала встречать их, я закрыла окно и улеглась на свою кровать с книгой. Со мной никто не делился чем-то своим. Пару раз Молли Сайлос протягивала свои казённые фломастеры, чтобы раскрасить фигуры, как велел мистер Хикс. Ну и Брук, та противная подружка Хейли, что строит из себя королеву, швырнула мне бублик в столовой со словами:

– Да он вчерашний. Я такое не ем! Но наша мамонтиха всё равно его съест, правда?

Но Брук ошибалась. Я выбросила бублик, хоть и обожала их не меньше пончиков из «Бон-Бон», пусть они и были столовскими.

Но эта книга... настоящий подарок. Не одолженный фломастер или обветренный бублик! Едва Хейли исчезла с подоконника, я кинулась читать книгу, но пока даже не решилась открыть её, поглаживая выпуклые блестящие буквы на обложке. Хотелось оттянуть момент – чем раньше я начну читать, тем скорее закончу и распрощаюсь с книгой.

Пока я барахталась в своих грёзах, даже не услышала, как в половине седьмого входная дверь внизу хлопнула и мама позвала меня. Через несколько минут она почти вломила в мою комнату, вся какая-то запыханная и взъерошенная, как воробей после дождевых ванн. Её привычное состояние. Комнату тут же заволочло запахом пиццы. Колбаса, плавленый сыр и вяленые помидоры.

– Фух, Тедди, ты что, не слышала меня? Я звала тебя несколько раз. Ты меня напугала!

– Прости, мам. Я просто задумалась.

Она тут же оттаяла, присела в моих ногах, и комната утонула в запахе пиццы.

– Что это у тебя? – Она с интересом взяла из моих рук книгу Хейли. – Не помню, чтобы у тебя такая была.

– А у меня и не было. Это Хейли мне дала.

– Хейли?

Глаза стрельнули в меня свинцом.

– Девочка из окна.

– Я знаю, кто такая Хейли, но... я ведь просила тебя не общаться с ней.

– Это вышло случайно, мамочка. – Затараторила я в оправдание, лишь бы не огорчать маму. – Она помогла мне с математикой, ты же знаешь, как я её ненавижу... А потом мы разговорились и...

– Теодора.

Полное имя – синоним ругательству. Если мама называла меня «Теодора» – жди беды. Это ненавистное, необычное имя досталось мне от бабушки, которая отдала маме этот дом и которую я никогда не знала. Хорошо хоть придумали сокращать его до Тедди, а то не знаю, как бы я вообще прожила в младшей школе с этими пухлыми щеками, неуклюжестью и именем Теодора. Звучало в нашем доме оно редко, но, что говорится, метко. Когда я разбила фарфоровую статуэтку, что досталась маме в наследство от её покойной мамы. Когда я притащила домой ежа, которого нашла за мусорными баками мистера Найта. Когда упала с дерева и разодрала единственную приличную школьную юбку. И вот теперь... когда впервые с кем-то подружилась.

– Эта девочка... – Мама вздохнула, будто хотела вскипеть чайником, но сдерживалась из последних сил. – Не стоит тебе общаться с Морганам.

– Но почему, мамочка? Ты постоянно повторяешь это, но не объясняешь, почему! Они плохие?

– Нет. – Сказала она так, будто хотела сказать «да». – Просто... они другие.

– Как это?

– Ох, Тедди. Ты ведь видела их дом, их машину. Они богаты, а мы нет.

– Ну и что? Разве это причина для того, чтобы с кем-то не дружить.

Во взрослом мире так и было, но мне было семь. Мне было плевать, кто сколько зарабатывает. У меня впервые появилась подруга!

– Ты ещё слишком мала, чтобы понять. Завтра же верни эту книгу и больше ничего не бери у Морганов, поняла?

– Но, мамочка...

– Никаких возражений. Не хочу потом разбираться с мамой Хейли, если с вещью что-то случится.

– Но я буду аккуратно...

– Нет! – Рывкнула мама, и я тут же умолкла. Умолкли даже птицы за окном. Мама никогда так на меня не кричала, и я сжалась в комок. – Делай, как я тебе говорю. Верни книгу и больше не общайся с Хейли.

– Ладно, мамочка. Как скажешь.

Она поцеловала меня в макушку, приготовила на ужин мои любимые спагетти с томатной пастой и даже задержалась, чтобы почитать перед сном. Но не новую книгу, что дала девочка из окна, а историю, что я десятки раз слышала. Так она пыталась извиниться, загладить вину, но не всякую обиду так-то легко закопать извинениями. Я дулась на маму, но не показывала этого, чтобы не сердить её ещё больше.

Остаток ночи, когда свет в её спальне погас, я то плакала, то читала под тусклым сиянием ручного фонарика, который хранился в кухонном ящике на случай, если в доме погаснет свет. Завтра книга вернётся к своей законной хозяйке, и мне хотелось прочитать как можно больше. Мне не хотелось расставаться с ними обеими, поэтому я взяла гелиевую ручку любимого сиреневого цвета и кое-что написала на маленьком листочке. Послание с извинениями, которое завтра дойдёт до адресата.

Хейли

В семействе Морганов бытовало множество правил, и выполнялись они с благоговейным усердием. Одно из них – совместный семейный завтрак – настолько въелось в нашу кровь, что мы чтили эту традицию, сколько себя помню.

В тот день мы так же традиционно завтракали на кухне перед тем, как разбежаться по своим делам. Родители – в «Ллойд Кэпитал», мы с Диланом – в младшую школу Форрест, куда нас выбрасывали из «мерседеса» по пути. Звонок в дверь нарушил привычный уклад, а, так как я, по мнению мамы, была самым любопытным созданием во вселенной, то побежала вслед за ней, проверять, кто пожаловал к нам с петухами, едва солнце успело зевнуть из-за горизонта.

– Елена?

Мама ожидала увидеть, кого угодно – почтальона, молочника, мэра, свою покойную бабушку – но никак не Елену Раморе. Строгая линия её подбородка и вечно сжатые губы, словно она держала за ними обиду на весь мир, всегда немного пугали меня. По сравнению с моей ухоженной, с иголочки одетой и яркой мамой, мама Тедди терялась, походила на серый цвет на яркой палитре и ту полоску радуги, которая почти не видна.

Вот и сейчас я испугалась при виде её холодных глаз, которые почти не удостоили маму вниманием и тут же завладели мной. От такого взгляда сразу почувствуешь себя виноватым в любом злодеянии, что она тебе вчинит. Рядом стояла девочка из окна с той книгой, что я ей одолжила вчера. Смущённая, печальная, совсем не такая, какой я видела её вчера на подоконнике.

– Здравствуй, Кейт. – Сказала миссис Раморе. – Извини, что побеспокоила так рано, но хочу уладить этот вопрос до школы.

– Какой вопрос?

– Вчера твоя дочь дала моей книгу. Мы хотели бы её вернуть.

И как только Тедди ещё не замёрзла в ледышку с такой ледяной матерью? Я думала, страшнее её глаз уже ничего не найти, но ошибалась. Её колючий голос пугал меня ещё сильнее. Она подпихнула Тедди, и та сделала шаг вперёд, протянула мне книгу и вся так и окинула меня взглядом вины. Моя мама всё ещё не понимала, что происходит, и просто глупо улыбалась, но уже не так широко.

– И впредь, я бы попросила тебя, Хейли, не давать ничего Тедди. – Наказала Елена Раморе со всей своей беспощадностью.

– Но что в этом такого? – Неловко усмехнулась мама. – Тедди может брать у нас столько книг, сколько ей хочется.

– Я сама могу купить ей новые книги.

Так огрызаются звери, если на их территорию покушаются. Но я ведь хотела как лучше! Поделиться тем, чего у Теди не было.

– Я знаю, что можешь, Елена. – Приняла оборонную стойку моя мама. Она никогда не лезла на рожон, не встревала в конфликты, но, если на её семью покушались хотя бы дурным отношением, то она давала отпор. – Не думаю, что у Хейли были какие-то скрытые намерения. Никто не хотел тебя обидеть. Девочки просто хотели подружиться, правда ведь, милая?

Я неуверенно кивнула, до конца не понимая, как из-за одной книги поднялся такой сырбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.